

УМОЗРИТЕЛЬНЫЯ И ОПЫТНЫЯ
ОСНОВАНИЯ
СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ IV ЧАСТЯХЪ,

Сочиненіе А. Ткачова.

Удостоенное Императорскою Академіею Наукъ
одной изъ Демидовскихъ премій.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ЧАСТЬ IV.

Планъ Исторіи Русской Литературы.

Санктпетербургъ.

Издание книгопродавца Василія Полякова.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ,
17 Января 1845 года.**

Ценсоръ С. Куторга.

Въ типографіи Губернскаго Правленія.

1845.

ПЛАНЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Подъ *Исторією Литературы* разумѣется систематическое изложеніе всѣхъ произведеній Словесности какого-либо народа, съ показаніемъ ея начала, постепеннаго совершенствованія и причинъ, ускорявшихъ или замедлявшихъ ея успѣхи. Раздѣленіе сей Исторіи на періоды и отдѣленія можетъ имѣть мѣсто собственно въ Литературѣ самостоятельной, выражающей рѣзкими чертами различныя направленія духа и образованности народа и рѣшительное вліяніе политическихъ переворотовъ. Наша письменность до XVII вѣка является только въ трехъ главныхъ видахъ: *церковномъ, гражданскомъ и народномъ*, которые во все продолженіе сего времени, измѣняясь въ формахъ языка, не представляютъ никакихъ значительныхъ измѣненій въ ихъ свойствахъ. Классическое ученіе, начавшее распространяться въ XVII вѣкѣ въ предѣлахъ Россіи, сближая нашу письменность съ чужеземными образцами, также еще не дало ей никакого самостоятельнаго характера. Посему и въ предлагаемомъ здѣсь *Планѣ Исторіи Русской Литературы* принято раздѣленіе ея не по періодамъ, а по предметамъ, какъ болѣе согласное съ существомъ ея содержанія.

§ 2. Древніе памятники нашей Писменности могутъ быть разсматриваемы въ различныхъ ихъ отношеніяхъ къ языку, къ формамъ изложенія, а иногда и изящности предметовъ, внушенной природою или заимствованной отъ искусства. При критическомъ ихъ разсматриваніи нужно также принимать въ соображеніе: 1-е) *вещество*, на коемъ документъ писанъ; 2-е) *языкъ* или *нарѣчіе*, употребленное авторомъ; 3-е) *погертъ буквъ*, который какъ въ церковныхъ, такъ и въ гражданскихъ памятникахъ, раздѣляется на уставный, полууставный и скорописный; и 4-е) *мѣсто* сочиненія документа и разные отличительные его признаки.

§ 3. Какъ церковные, такъ и свѣтскіе памятники языка отличаются между собою правописаніемъ и грамматическими формами, измѣнявшимися по времени. Главныя отличія древняго языка отъ средняго состоятъ:

1-е Какъ замѣчено выше, въ употребленіи полугласныхъ въ словахъ односложныхъ и двусложныхъ, заключающихъ въ срединѣ слога букву *л* или *р*, напр. *влѣкъ*, *слѣза*, *трѣгъ*, вмѣсто *волкъ*, *слеза*, *торгъ*.

2-е Въ несочетаемости гортанныхъ буквъ *г*, *к*, *х*, съ тонкими гласными *е*, *ь*, *и*, *ю*, *я*, и буквъ шипящихъ *ж*, *ѣ*, *ш*, *щ*, *ѵ*, съ гласными *о*, *ы* и *ѡ*, напр. вмѣсто *Кіевъ*, *гибель*, *нашѡ*, прежде писали: *Кыевъ*, *гыбель*, *нашѡ*.

3-е Въ склоненіи именъ прилагательныхъ усѣченныхъ, которые, въ среднемъ языкѣ соединяясь съ мѣстоименіемъ личнымъ третьяго лица, образовали нынѣшнюю форму.

4-е Въ употребленіи усѣченнаго причастія, изъ котораго образовалось нынѣшнее дѣспричастіе.

Впрочемъ и сіи отличія были неопредѣлены, такъ что въ одномъ и томъ же писменномъ памятникѣ, кромѣ различныхъ формъ грамматическихъ, употреблялось и различное правописаніе, напр. въ *Словѣ о полку Игоря* встрѣчаются: *Кыевъ* и *Кіевъ*, *Русицы* и *Русици*, и пр.

§ 4. Вообще Русскій языкъ почти до конца XVII столѣтія не имѣлъ установленныхъ правилъ; сочинители руководствовались однимъ употребленіемъ и обычаемъ; переписчики измѣняли текстъ рукописей иногда по прихоти, иногда стараясь принаравливать его къ нарѣчію своего мѣстожденія. Раздѣленіе Россіи на удѣлы, имѣвшіе долгое время особыя Правительства,—иго Монголовъ, тяготѣвшее на ней около двухъ вѣковъ съ половиною, различіе вѣроисповѣданій, препятствовавшее сношеніямъ нашихъ предковъ съ Польшею, гдѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ уже процвѣтали Науки и Словесность, — наконецъ самое вліяніе ученыхъ, родившихся и получившихъ образованіе въ Кіевѣ и Бѣлоруссіи, — все сіе полагало преграду къ развитію и процвѣтанію нашего языка отечественнаго.

§ 5. Между тѣмъ въ XVI столѣтіи заведена была въ Москвѣ Славянская Типографія, въ коей печатались Богослужебныя книги; около половины XVII открыто было близъ Москвы въ Преображенской Пустыни ученое братство для перевода полезныхъ духовныхъ книгъ на языкъ Славянскій. Изданіе печатныхъ книгъ въ свѣтъ, появленіе нѣкоторыхъ Славянскихъ Грамматикъ и

образцы краснорѣчія нашихъ Духовныхъ Витій хотя открывали средства и облегчали способы къ установленію языка Русскаго, но еще не могли имѣть на него рѣшительнаго вліянія.

§ 6. Всякій вообще языкъ получаетъ право на гражданство въ Литературѣ только съ того времени, когда говорящій имъ народъ пріобрѣтаетъ политическую самостоятельность. Тоже самое случилось и съ нашимъ языкомъ отечественнымъ. Новая Россія, завоевавшая независимость при Іоаннѣ III и ставшая на степенъ Европейскихъ Государствъ, по возшествіи на Престолъ Дома Романовыхъ, переходя отъ силы въ силу, наконецъ утвердилась, возвеличилась и прославилась гениемъ Петра Великаго. Руководствуясь мудрымъ и царственнымъ правиломъ, что благоденствіе народа основывается только на его просвѣщеніи, — онъ учреждалъ для образованія юношества разныя училища, заводилъ типографіи и самъ изобрѣлъ новый почеркъ Русской гражданской печати.

§ 7. Въ числѣ предметовъ, предначертанныхъ Петромъ Великимъ для Академіи Наукъ, Краснорѣчіе, Изящная Словесность, Практическая Философія и Ученая Исторія заняли почетное мѣсто. Творецъ Имперіи не могъ сотворить новаго слова, но положилъ ему первыя основанія. Введенныя имъ въ Россію науки, художества, промышленность и законы, распространяя сферу понятій народа, требовали новаго образа выраженій. Одинъ Славянскій языкъ былъ для сего недостаточенъ; всѣ чувствовали необходимость въ сліяніи его съ народнымъ, но никто не смѣлъ отважиться на столь трудный и опасный подвигъ.

Одинъ геній Ломоносова умѣлъ положить число и опредѣлить мѣру вновь сотворенный имъ великолѣпной храмъ Русскаго слова. Онъ первый составилъ правила собственно Русской Грамматики и изящными образцами своего слога увлекъ за собою современниковъ и потомство, и не только свѣтскихъ, но и духовныхъ Ораторовъ и Писателей.

Г Л А В А II.

О памятникахъ языка Великороссійскаго.

§ 8. Языкъ Русскій *Гражданскій*, бывшій въ употребленіи въ народѣ, всегда отличался отъ *Богослужебнаго*, образованнаго Моравскими переводчиками по Греческому и принесеннаго въ Россію, по крещеніи жителей Кіевскихъ. Не смотря на измѣненія, претерпѣнныя имъ отъ вліянія сего послѣдняго, отъ времени, отъ сношеній съ сосѣдственными народами, онъ посреди всѣхъ политическихъ переворотовъ сохранилъ свой характеръ и геній до позднѣйшихъ временъ. Въ семъ удостовѣряютъ насъ главнѣйшіе памятники древней Русской Литературы: дипломатическіе и законодательные акты, лѣтописи и въ особенности произведенія отечественной нашей Поэзіи.

§ 9. Къ числу сихъ памятниковъ относятся *мирный договоръ Олега съ Греками*, переданный намъ Преподобнымъ Несторомъ въ его Лѣтописи. Въ собственномъ смыслѣ сей договоръ не принадле-

жить Русской Литературѣ, но есть произведе-
ніе Греческой Дипломатіи: ибо употребленные
въ немъ обороты, словосочиненіе, счисленіе вре-
мени отъ сотворенія міра и счетъ пени Греческою
монетою (да вдасть литръ пять) ясно доказываютъ,
что онъ сочиненъ по Гречески и уже впослед-
ствіи переведенъ на Русскій.

§ 10. Изъ грамотъ или дипломовъ древнѣйшая
есть писанная на пергаментѣ въ 1262 году *Грамо-
та Великаго Князя Мстислава Владиміровича* и
сына его Новгородскаго Удѣльнаго Князя Всево-
лода Мстиславича. Подробное и ученое истолко-
ваніе оной помѣщено въ № 15 и 16 Вѣстника
Европы 1818 года.

§ 11. Въ числѣ древнихъ нашихъ законовъ мы
имѣемъ такъ называемый *Уставъ Св. Князя Вла-
диміра о церковныхъ судѣхъ*, по коему сообразно
съ Греческими номоканонами, дѣла о монахахъ,
церковникахъ, богадѣльняхъ, гостиницахъ и до-
махъ страннопріимства отчуждены отъ мірскаго
вѣдомства и поручены разбирательству Еписко-
повъ; но сей Уставъ почитается подложнымъ:
ибо въ немъ Владиміръ пишетъ, что онъ воспріалъ
Святое Крещеніе отъ Фотія Патріарха Цареград-
скаго, который умеръ еще за 90 лѣтъ до сего Ве-
ликаго Князя. Въ семъ актѣ упоминается о *Тіу-
нахъ*, Епископы названы *Пискупами*, крещеніе
хрещеніемъ; сіи и многіе другіе анахронизмы въ
званіяхъ и въ слогѣ заставляютъ думать, что Уставъ
Церковный есть произведеніе позднѣйшее.

§ 12. Въ Исторіи Русскаго законодательства
одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ *Русская
правда*, данная будто бы Великимъ Княземъ Яро-

славомъ Новгороду. Наши Археологи и Критики, говоря о законахъ, никогда не проходили молчаніемъ сего памятника, относя его по обыкновению къ XI вѣку; но ученый сочинитель *взгляда на Русскую правду*, помѣщеннаго въ No 13, 14, 15 и 16 Вѣстника Европы 1829 года, ясно доказалъ всѣ ея анахронизмы въ понятіяхъ, въ именахъ, обычаяхъ и степени образованности, несвойственныхъ Русскому народу того времени.

§ 13. Остается разрѣшить слѣдующіе вопросы: когда, кѣмъ и изъ какихъ источниковъ почерпнута Русская Правда. Различные ея списки, противорѣчіе однихъ статей другимъ и дополненія удостоверяютъ, что составъ ея принадлежитъ разнымъ временамъ и разнымъ лицамъ или Посадникамъ Новгородскимъ. Источники ея также различны, впрочемъ она не есть списокъ съ какого либо Уложенія Скандинавскаго, какъ называлъ ее Шлецеръ, ни съ Германскаго, какъ полагалъ Эверсъ; но вѣроятно, въ продолженіе торговыхъ сношеній съ Ганзейскими городами, по мѣрѣ открывавшейся нужды, заимствуема была изъ Любскаго и другихъ Правъ, служившихъ типомъ и основаніемъ законоположенія среднихъ временъ. Отсюда произошло сходство Русской Правды не только съ Скандинавскими и Германскими, но съ Салическими и другими учрежденіями южныхъ народовъ. Примѣры сего сходства можно видѣть въ *хартіи Вотландской*, данной 14 Іюля 1359 года Герцогомъ Савойскимъ и заключающей въ себѣ довольно любопытныя статьи касательно полиціи и уголовныхъ законовъ того времени. Таковы законы о пенѣ, взимаемой за побои, напр.

Въ Русской Правдѣ:

§ XI. Оже кто ударить батогомъ, либо чашею или рогомъ, либо тылеснею, то 12 гривенъ (продажи за обиду).

§ XII. Оже приидеть кровавъ мужъ на дворъ или сынъ, то видока ему не искати, но платити ему продажи 3 гривны, аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ слово противу слова; а кто ли будетъ началь, то тому платити 60 *кунъ*.

Въ хартіи Вотландской:

Если кто въ ссорѣ ударить или прибить другаго, и будутъ свидѣтели одинъ мущина или одна женщина, которые утвердятъ показаніе присягою предъ судіями (*prud hommes*); то виноватый, бившій палкою или другимъ орудіемъ, до крови или безъ крови платитъ *Тіуну* (*au seigneur*) 60 *су* пени, а тому, кого ударилъ 18 денегъ (*deniers*). Кто дастъ другому пощечину, *Тіуну* платитъ 5 *су* и 30 денегъ. Кто войдетъ въ чужой садъ или огородъ безъ позволенія хозяина и не для того, чтобы выгнать свой скоть или птицу; платитъ *Тіуну* 10 *су*, а хозяину сада или огорода 5 *су*; (если же не въ состояніи заплатить сей пени, то повиненъ пробѣжать нагой чрезъ весь городъ); кто войдетъ въ чужой садъ или огородъ ночью, *Тіуну* платитъ 60 *су*, а хозяину 10.

§ 14. Впрочемъ не должно терять изъ виду, что между постановленіями, составляющими Правду Русскую, есть собственно Русскія, съ особенною формою изложенія *); нѣкоторыя изъ нихъ доселѣ сохранили свою силу, другія извѣстны

---

*) См. Исторію Русскаго народа, Г. Полеваго, Т. II. стр. 172.

намъ еще изъ договоровъ Олега и Игоря съ Греческими Императорами или помѣщены въ Статутъ Литовскомъ. Слѣды нѣкоторыхъ остаются доселѣ въ обычаяхъ Славянскихъ, напр. мщеніе кровью за кровь у Черногорцевъ. Г. Раковецкій въ книгѣ своей *Prawda Ruska* поступаетъ еще въ дальнѣйшія тонкости; онъ полагаетъ, что Кривичи, имѣвшіе свой столичный городъ Кривы между Вильною, Гродною и Минскомъ, издревле управлялись своими законами, что сіи законы суть остатокъ древняго Славянскаго Уложенія, которое, по причинѣ сходства языка, правовъ, обычаевъ и вѣры, могли свято быть соблюдаемы всѣми Славянами и что духъ сего Уложенія, равно какъ и многія статьи онаго, могли потомъ перейти въ законы разныхъ Славянскихъ племенъ и особенно въ *Русскую Правду* и въ Статутъ Литовскій. Предположеніе свое о бытіи помянутаго Уложенія онъ основываетъ на Гражданской образованности древнихъ Славянъ, на остаткахъ ихъ Поэзіи и въ особенности на упоминаемыхъ въ древнемъ отрывкѣ о *Судѣ Любуши* Правдодатныхъ доскахъ и Законѣ вѣкожизненныхъ боговъ, *Deski Prawdo-datne, sudity razakonu Wieko-zyznych Bogow* и на слѣдующемъ изрѣченіи: *нехваль-но намъ въ Нѣмцехъ искать правду, у насъ правда по закону святу, юже принесеху отцы наши.* (*Ne chwalno nam w Niemcech iskati praudu, u nas Prawda po zakonu swatu juze prinesechu otcі nasi Wsèze*) *). Желательно, чтобы ученые наши Кри-

---

*) См. IX книжку Извѣстій Россійской Академіи.

тики, при изслѣдованіяхъ своихъ о Русской правдѣ, приняли въ соображеніе всѣ сіи подробности и обстоятельства.

§ 15. Исторія древней Русской Литературы въ особенности богата лѣтописями. Онѣ почти всѣ несутъ отпечатокъ языка Богослужебнаго: ибо писаны были по большей части духовенствомъ. Между сочинителями лѣтописей самое почтенное лице есть *Преподобный Несторъ*, по справедливости прозванный Отцемъ Россійской Исторіи. Онъ первый разсѣялъ мракъ неизвѣстности и баснословія, лежавшаго на всемъ верхнемъ Сѣверѣ. Принявъ въ образецъ своего труда времяникъ *Георгія Амартола*, Византійца, писавшаго въ IX вѣкѣ *), и нѣкоторыхъ другихъ Историковъ, въ описаніи происшествій онъ пользовался современными преданіями и свидѣтельствомъ Кіевопечерскаго Пнока, старца *Яна*, а въ означеніи годовъ рожденія Великихъ Князей, ихъ смерти и прочихъ важныхъ эпохъ, можетъ быть руководствовался церковными записками. Ясность и правдоподобіе суть главныя качества Лѣтописи Нестора. Слогъ его похожій на Библейскій, одушевленъ дѣйствіемъ лицъ, которыя онъ представляетъ всегда говорящими, какъ въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завета.

§ 16. Лѣтопись Нестора, по кончинѣ его, продолжалъ нѣкто *Василій*, который употребленъ былъ Владимірскимъ Княземъ Давидомъ въ переговорахъ съ несчастнымъ Василькомъ. *Сильвестръ*,

---

*) Сей времяникъ отысканъ Г. Строевымъ въ 1819 году въ библіотекѣ Графа Толстаго.

Епископъ Переяславскій и Симо́нъ, первый Епископъ Суздальскій, которыхъ почитали продолжателями Несторовой Лѣтописи, по мнѣнію нашего Исторіографа, были только переписчиками; имена прочихъ лѣтописцевъ большею частію или совсѣмъ неизвѣстны или извѣстны только по догадкамъ, хотя сочиненія сего рода продолжались почти безпрерывно до позднѣйшихъ временъ.

§ 17. Драгоценнѣйшій памятникъ древней Русской Поэзіи есть *Иронгеская Пѣснь о походѣ на Половцевъ Удѣльнаго Князя Новгородъ Сѣверскаго Игоря Святославича* *). Неизвѣстность почерка сего творенія, въ первый разъ изданнаго въ свѣтъ только въ 1800 году, и самое нарѣчіе, нѣсколько несогласное съ Славянскими и съ нашими Областными, обращали особенное вниманіе ученыхъ Критиковъ **). Обыкновенно полагали, что сія пѣснь сочинена въ нынѣшней Малороссіи, на языкѣ Славяно-Русскомъ, отличномъ отъ того, который существовалъ въ Россіи до перевода Священнаго Писанія, и что ея нарѣчіе, судя по нѣкоторымъ словамъ и оборотамъ, болѣе подходитъ къ языку Польскому, нежели къ прочимъ Славянскимъ.

§ 18. Впрочемъ не лѣзя не замѣтить, что для отысканія ключа къ языку и нарѣчію какого-либо

*) Въ первый разъ она издана въ 1800 году въ Москвѣ съ переводомъ и примѣчаніями А. Ѳ. Малиновскаго, Н. Н. Бантышъ-Каменскаго и Графа А. И. Мусина-Пушкина.

**) Московское общество Любителей Россійской Словесности предлагало вопросъ: на какомъ языкѣ сія пѣснь писана: на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчіи? *Опытъ рѣшенія сего вопроса* помѣщенъ въ XI части Трудовъ Общества.

памятника древности недостаточно однихъ реченій и частныхъ формъ, могущихъ вкратъся изъ областныхъ діалектовъ въ языкъ господствующій, даже и въ самый цвѣтущій періодъ его Грамматической образованности. Для сего нужно, какъ упомянуто выше, углубиться и въ духъ самаго памятника, во внутреннія его качества, неизмѣняемая ни формою, ни временемъ.

§ 19. И такъ, не довольствуясь счисленіемъ слога помянутой Пѣсни съ слогомъ Библейскимъ, лѣтописей и прочихъ письменныхъ памятниковъ, надлежитъ еще принять въ соображеніе самый геній народнаго языка Русскаго. Отличительныя черты его заключаются:

1) Въ присвоеніи лицамъ и вещамъ постоянныхъ и опредѣленныхъ эпитетовъ, которые, составляя условный образъ выраженій цѣлаго народа, принадлежатъ равно всѣмъ періодамъ его Исторіи. Напр. въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, сказкахъ и простомъ языкѣ *дѣвица* и *солнце* называются *красными*; *кони борзыми*, *море и Донъ синими*, *стрѣлы калеными*. У Сербовъ употребляется уменьшительное *дѣвица*, а *девушка*, и не красная, а *лѣная*; у Богемцевъ говорится *красна дѣва*, а не *дѣвица*; напротивъ того въ Ироической пѣсни о походѣ Игоря на Половцевъ встрѣчается то же самое сочетаніе существительныхъ съ прилагательными, какое и въ нашихъ пѣсняхъ, какъ-то: »аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольци, ни нама красны дѣвице,«—»а всядемъ братія на свои брѣзья комони, да позримъ синяго Дону«—»летятъ стрѣлы каленыя.«

2) *Сравненія*, выражаемыя въ нашемъ народномъ языкѣ творительнымъ падежемъ, встрѣчаются очень часто и въ Пѣсни о походѣ Игоря, напр. »Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы.«

3) Въ Русскомъ языкѣ имена птицъ очень часто употребляются въ томъ же смыслѣ, какой имѣютъ онѣ у Баснописцевъ, т. е. для означенія качествъ какого нибудь лица: ибо птицы, подобно звѣрямъ, большею частію отличаются опредѣленностію характера. *Соколы* у Русскихъ означаютъ всегда быстроту и удалство; въ одной народной пѣснѣ плѣненный Турками Генераль Краснощекъ уподобляется сей птицѣ, окруженной стадомъ черныхъ вороновъ, которые дѣлаютъ ей колкія насмѣшки. Соколъ гордо имъ отвѣчаетъ:

»Какъ пройдетъ бѣда моя великая,
 »Отрошу я свои крылья быстрыя,
 »Я взовуюсь младъ ясенъ соколъ выше облака,
 »Опускаю въ ваше стадо я быстрый стрѣлы,
 »Перебую я черныхъ вороновъ до одинаго.«

Въ Пѣсни о походѣ Игоря:

»Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяся, хотя птицею въ буйствѣ одолѣти.« Или: »дремлетъ въ полѣ Ольгово хораброе гнѣздо далече залѣтело; не былонъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине.«

4) Сравненія отрицательныя безъ поправленія, принадлежащія однѣмъ только Русскимъ пѣснямъ и сказкамъ, встрѣчаются и въ пѣсни о походѣ Игоря: »Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; Галици стада бѣжать къ Дону великому.«

5) При семъ неизлишне замѣтить, что сравненія и троиы встрѣчающіеся въ Словѣ о полку Игоря на Половцевъ, заимствованы изъ Русской природы, напр.

»Кричатъ телеги полунощи, рци лебеди распушени.« — »Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростнику и бѣлымъ гоголемъ на воду.«

6) Въ Русскихъ пѣсняхъ сраженіе очень часто сравнивается съ брачнымъ пиромъ, напр. умирающій воинъ говоритъ своему вѣрному коню:

»Ты скажи моей молодой вдовѣ:

»Я женился на другой женѣ;

»Насъ сосватала сабля острая,

»Положила спать калена стрѣла.«

Подобная сему картина находится и въ Пѣснѣ о походѣ Игоря:

»Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ доконча-
»чаша хабріи Русичи: сваты попойша, а сами по-
»легоша за землю Русскую.«

7) Во многихъ мѣстахъ помянутой пѣсни видны оттѣнки Русскихъ нравовъ, обычаевъ и даже Русскаго кореннаго суевѣрія, напр. что значитъ видѣнный во снѣ черный покровъ? Трауръ. Крупный жемчугъ? Слезы. Доски безъ матицы или перекладины? Лишеніе ближайшихъ членовъ семейства. Вороны каркающіе на кровлѣ? Зловѣщія птицы. Такъ нынѣ толкуютъ сны, такъ толковали и Бояре Кіевскіе сонъ, рассказанный имъ Великимъ Княземъ Святославомъ:

»А Святославъ мутень сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ синопъ съ вечера одѣвахъ те мя, рече, чрьною паполомою на кровати тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тлько винъ великий

женчюгъ на лоно и нѣгують мя; уже дски безъ кнѣса вмоемъ теремъ златовръсѣмъ. Всю ношь съ вечера босуви врани възгряху. — И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умъ полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тмутъраканъ, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца прииѣшали поганныхъ саблями, а самага опустоша въ путинны желѣзны.»

§ 20. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Проическая Пѣснь о походѣ Игоря на Половцевъ по внутреннимъ качествамъ принадлежитъ собственно Русскому народу; самыя формы ея хотя неопредѣленны, но въ Русскомъ языкѣ не новыя, напр. окончаніе третьяго лица наст. врем. на *тъ* употребляется доселѣ не только въ Малороссіи, но и въ губерніяхъ Орловской, Тульской и проч. Равнымъ образомъ окончанія прошедшаго времени глаголовъ дѣйствительныхъ, среднихъ и возвратныхъ, образованныя по настоящему времени: въ един. числѣ *шетъ* вмѣсто *ше* и въ третьемъ лицѣ множ. числа *хуть* вмѣсто *ху* встрѣчаются также и въ другихъ старинныхъ памятникахъ языка, какъ-то: въ Лаврентьевскомъ спискѣ Временника Несторова, л. 98. »И даръ си отъ Бога прія, да егда »въ церковь *внидѣшетъ* и слыша пѣніе, и абіе »слезы *испущашетъ*.« (Одѣвахъ *те* есть вѣроятно описка вмѣсто одѣвахуть). Еванг. Гр. Толстова 1074 года: »и *разтешетъ* и полотьма.«

§ 21. Что касается до почерка Пѣсни о полку Игоря и правописанія оной, то первый, по мнѣнію нѣкоторыхъ очевидцевъ, есть Бѣлорусскій, имѣющій свой особенный характеръ, а по свидѣ-

тельству покойнаго *А. И. Ермолаева*, видѣвшаго рукопись, до истребленія ея въ 1812 году, есть полууставъ XV вѣка *). Правописаніе ея согласно во многихъ словахъ съ Лаврентьевскимъ спискомъ Нестора, пергаминамъ Новгородскимъ Лѣтописцемъ, прочими древними рукописями и даже съ Славяно-Россійскимъ Лексикономъ Памвы Беринды, напечатаннымъ въ Кіевѣ въ 1627 году. И такъ не справедливо было бы, по нѣсколькимъ лишь словамъ и оборотамъ, заключать о сходствѣ самаго стиля упоминаемой Пѣсни съ нарѣчіемъ Польскимъ; тѣмъ болѣе, что въ ней встрѣчаются нѣкоторыя выраженія, употребленныя и въ древнихъ памятникахъ Богемскихъ, напр. *ярѣ турѣ*, *съ отня злата стола* и пр. Вѣроятно сіи и другіе подобные обороты оставались еще отъ древней Славянской Поэзіи и принадлежали равно всѣмъ нарѣчіямъ, доколѣ время и обстоятельства не положили между ними рѣзкаго раздѣленія.

§ 22. Къ числу памятниковъ Великороссійскаго языка можно отнести сочиненія Великаго Князя *Владимира Мономаха*, который въ одно и то же время былъ искусный полководецъ, тонкій политикъ и мудрый законодатель. Достопримѣчательнѣйшее его сочиненіе есть *Завѣщаніе* или *Поученіе своимъ дѣтямъ*, заключающее, кромѣ правилъ высокой нравственности христіанской, наставленіе какъ вести себя въ частной жизни, какъ править кормиломъ Государства и вести войну съ врагами Отечества.

---

*) О семъ удостовѣряетъ *А. Х. Востоковъ*, слышавшій отъ покойнаго *А. И. Ермолаева*.

§ 23. Между духовными Писателями XII вѣка прославился *Кириллъ*, Епископъ Туровскій, пріобрѣтшій витѣйствомъ своимъ громкое имя *второго Златоуста*. Духовныя его поученія, исполненныя антитезъ и другихъ риторическихъ украшеній, дѣйствительно очень близко подходятъ къ краснорѣчію Греческаго Златоуста; такъ, что долгое время они считались собственнымъ произведеніемъ сего Вселенскаго Учителя и даже изда ны были въ свѣтъ подъ его именемъ. Изъ прочихъ сочиненій Святителя Кирилла дошли до насъ нравоучительныя его Посланія, Житія Святыхъ Отець и Притчи. Послѣднія представляютъ прекрасный образчикъ духовной мистической Поэзіи того вѣка *).

§ 24. Слово о *Даніилѣ Заточникѣ* также принадлежитъ къ достопримѣчательнѣйшимъ произведеніямъ XII вѣка. Находясь въ ссылкѣ въ одной изъ сѣверныхъ областей, Даніилъ писалъ сіе Слово къ Великому Князю Георгію Долгорукому. Оно представляетъ искусное смѣшеніе Поэзіи съ Прозою, — троповъ и сравненій, заимствованныхъ изъ Священнаго Писанія, съ поговорками и пословицами, изъ коихъ многія доселѣ сохранились въ народѣ. Короче скажемъ: Слово сіе можетъ по чести образцемъ древняго образованія, народности, письменнаго и даже разговорнаго языка, какой употребляли наши предки при Дворѣ и въ лучшихъ обществахъ.

§ 25. *Повѣсть Рязанскаго Іерея Софронія о нашествіи безбожнаго Царя Мамая съ безчислен-*

---

*) Творенія Кирилла Туровскаго изданы К. О. Калайдовичемъ въ Памятникахъ Росс. Слов. XII вѣка (стр. 1—153).

ными Агаряны по красотамъ уступаетъ Слову о полку Игоря, но въ основаніи своемъ, въ характерахъ и въ изображеніяхъ есть самое близкое подражаніе сему послѣднему. Московское воинство описано въ немъ тѣми же красками, какими въ Пѣсни о полку Игоря изображены Куряны, новитые подъ звуками трубъ, взлелеянные подъ шлемами и вскормленные концами копій; смѣлый и предпріимчивый Димитрій Волынецъ есть списокъ съ Всеслава; Евдокія, супруга Великаго Князя, сѣдующая въ златоверхомъ теремѣ, живо напоминаетъ Ярославну, плачущую на стѣнахъ Путивля. Пѣвецъ Игоря обращается къ Бояну, соловью древнихъ временъ; Пѣвецъ Димитрія, для одушевленія воспѣваемаго имъ предмета, также призываетъ нѣкого Урана. Самыя слова, заимствованныя въ Пѣсни Игоревоѣ, повидимому, изъ другихъ нарѣчій, встрѣчаются нерѣдко и въ Повѣсти о нашествіи Мамаѣ, напр. *харалужный, стязи, галици* и пр.

§ 26. Всѣ сіи и другіе подобные памятники, подробно исчисленные въ Опытъ Россійской Библіографіи Г. Савикова, по формамъ склоненій и спряженій болѣе или менѣе приближаются къ языку церковному; но отличаются отъ сего послѣдняго реченіями, оборотами и внутренними качествами, составляющими образъ выраженій, свойственный преимущественно Русскому народу.

§ 27. Со времени рожденія Литературы Гражданской долгъ Критика есть: А) по части *Прозаическаго Искусства* раскрыть теоріи древнихъ Риторовъ, которые усвоивались нашими писателями посредственно или непосредственно, и съ

тѣмъ вмѣстѣ исчислить систематическія учебныя книги, содѣйствовавшія образованію Россіянъ въ искусствѣ слога; В) по части Стихотворства означить характеръ Велико-Россійскихъ Стихотвореній того времени, когда сочинители не подчинялись правиламъ и не знали, что оныя существуютъ, а равно указать учебныя книги или теоріи Стихотворства, которыя если не творили Поэтовъ, по крайней мѣрѣ содѣйствовали образованію ума и вкуса въ людяхъ благовоспитанныхъ. Въ обоихъ сихъ отдѣленіяхъ должны быть показаны между прочимъ успѣхи и настоящее состояніе, въ нашемъ Отечествѣ, какъ Прозаическаго Искусства, такъ и Стихотворства. Вообще источниками для Исторіи нашей Литературы и Исторической Критики могутъ служить: *Опытъ Словаря Рос. Писателей*, Новикова, *Опытъ Россійской Библіографіи* В. Сопикова, *Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ*, Н. М. Карамзина, *Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи Писателяхъ Духовнаго чина Греко-россійской Церкви*, Митрополита Кіевскаго Евгенія, *Систематическое обозрѣніе состоянія просвѣщенія въ Россіи съ 1801 до 1805 года*, Гг. Академиковъ Шторха и Аделунга, *ученія изслѣдованія и разсужденія* М. Т. Каченовскаго, А. Х. Востокова, К. О. Калайдовича, П. М. Строева и единственное на Русскомъ языкѣ систематическое сочиненіе, *Опытъ Краткой Исторіи Русской Литературы*, Н. И. Греча.

А. П Р О З А.

Г Л А В А III.

О методахъ Греческихъ и Латинскихъ Риторовъ, служившихъ руководствомъ въ Россіи по части Прозаическаго Искусства.

§ 28. Природа и подражаніе были почти единственными руководителями нашихъ Писателей до XVI столѣтія; методическое ученіе появилось только съ Духовными, вышедшими изъ Бѣлоруссіи и Малороссіи. Получивъ образованіе свое въ Кіевской Академіи и заграничныхъ Университетахъ по древнимъ Греческимъ и Латинскимъ методамъ, они принесли сіи методы въ Россію. Знатнѣйшія изъ нихъ по части Краснорѣчія суть: *Аристотелева, Димитрія Александрійскаго, Цицеронова и Квинтилианова.*

§ 29. Ученіемъ о мѣстахъ общихъ, по свидѣтельству Квинтилиана а), первые занимались *Протагоръ, Горгій, Продикъ и Тразимахъ*; первая мысль о необходимости соблюдать въ рѣчи число и мѣру словъ (*numerus oratorius*) принадлежитъ знаменитому *Исократу* б); первое же систематическое изложеніе правилъ Краснорѣчія приписывается *Антифону*, но сочиненія его до насъ не дошли.

§ 30. *Аристотелева Риторика* раздѣлена на три книги. Онъ опредѣляетъ Краснорѣчіе способностію видѣть въ каждомъ предметѣ все, что можетъ служить орудіемъ убѣжденія с). Доводы

а) *De institutione oratoria lib. 111. c. 1.*

б) *Brutus. 8.*

с) "Ἐστὼ δ' ἡ ῥητορικὴ δύναμις περὶ ἑκάστον τῶν θεωρεῖται τὸ ἐνδεχόμενον πῶσαν. *Rhetor. lib. 1. c. 11.*

бываютъ двухъ родовъ: или заимствуемые Ораторомъ извнѣ, какъ-то: свидѣтели, письменные акты и пр. или имъ самимъ изобрѣтаются. Сила доводовъ зависитъ отъ нравовъ говорящаго, отъ свойства слушателей и отъ самаго образа изложенія. Обыкновенно они излагаются въ видѣ Энтимемы или примѣра, соответствующихъ Силлогизму и такъ называемому въ Логикахъ наведенію (*inductio*, заключеніе отъ частей къ цѣлому и отъ особыхъ къ виду). Энтимемы извлекаются изъ частныхъ мѣстъ, принадлежащихъ каждому роду краснорѣчія въ особенности, или изъ общихъ мѣстъ. Родовъ Краснорѣчія есть три: совѣщательный, судебный и похвальный. Во второй книгѣ Аристотель разбираетъ страсти, ихъ происхожденіе, силу и свойства; потомъ рассуждаетъ о нравахъ юношей, старцевъ, людей благородныхъ, богатыхъ, могущественныхъ, счастливыхъ; о мысляхъ, о способѣ изобрѣтенія, о разрѣшеніи Энтимемъ. Въ третьей книгѣ предлагаются правила слога или выраженія и частей, составляющихъ Ораторскую рѣчь.

§ 31. Существенную основу Ораторскаго искусства Аристотель полагаетъ въ подчиненіи предметовъ частныхъ истинамъ общимъ или въ совокупномъ разсмотрѣніи первыхъ съ послѣдними и въ выводѣ слѣдствій и заключеній, но изъ однихъ лишь тѣхъ предложеній, которыя требуютъ доводовъ *).

§ 32. Риторика *Анаксимена Лампсакійскаго*, посвященная Александру Великому, какъ по со-

---

*) *Aristotelis Rhetoric. Lib. I. cap. 11.*

держанію, такъ и по плану сходствуетъ съ Аристотелевою. Три извѣстныя рода Краснорѣчія раздѣлены въ ней на семь видовъ, кои суть убѣжденіе, опроверженіе, похвала, порицаніе, обвиненіе, защищеніе и вопросъ, подлежащій разрѣшенію (quaestio).

§ 33. *Димитрій Александрійскій* сначала излагаетъ правила о занятыхъ и двоеточіяхъ, которыя у него почти то же значать, что простыя предложенія и части періода; потомъ о разныхъ родахъ періодовъ и о четырехъ качествахъ хорошаго слога: простотѣ, великолѣпіи, красотѣ и силѣ.

§ 34. Изъ *Цицероновыхъ* сочиненій о Краснорѣчій до насъ дошли: 1) двѣ книги о *изобрѣтеніи*, 2) три разговора объ *Ораторѣ*, 3) *Брутъ*, о знатнѣйшихъ Витіяхъ, 4) *Ораторъ*, 5) *Топики*, сокращенные изъ Аристотелевыхъ, 6) о *лучшемъ родѣ Ораторовъ* и 7) о *дѣленіи Ораторскою*, de partitione Oratoria. Въ послѣднемъ предлагаются сокращенно въ видѣ разговора между сыномъ Цицерона и имъ самимъ всѣ правила, изложенныя въ предъидущихъ. Наука о Краснорѣчій раздѣляется здѣсь на три части: на силу Оратора, самую рѣчь и предметъ рѣчи. Сила заключается въ изобрѣтеніи, расположеніи, выраженіи, памяти и произношеніи. Рѣчь состоитъ изъ приступа, изложенія или рассказа, утвержденія и заключенія. Предметомъ рѣчи бываютъ неопредѣленные или опредѣленные вопросы.

§ 35. Изъ всѣхъ частей Ораторской рѣчи самою важною Цицеронъ почитаетъ ту, въ которой предлагаются истины общія; и всякая мысль еще неопредѣленная и могущая подлежать сужденіямъ

(*κρίσιμος*) и словопренію, всегда должна, по мнѣнію его, приводима быть къ вопросамъ постояннымъ и вѣчнымъ, то есть, къ истинамъ общимъ *). Тоже самое Цицеронъ предписывалъ и сотворенному его воображеніемъ Оратору. »Ораторъ не обыкновенный, говоритъ онъ, но совершеннѣйшій, котораго я ищу, долженъ всегда, сколько возможно, устраниваться отъ преній частныхъ объ извѣстныхъ лицахъ и объ опредѣленномъ времени. Ибо удобнѣе разсуждать о родѣ, нежели о части, и что доказано вообще, неминуемо доказано будетъ и въ частности **).«

§ 36. Главное отличіе системы *Квинтилиановой* отъ *Аристотелевой* и *Цицероновой* заключается въ томъ, что онъ, по изложеніи правилъ изобрѣтенія и выраженія, предлагаетъ и самые способы нравственнаго образованія Оратора. Впрочемъ о немъ можно сказать то же, что онъ самъ сказалъ о себѣ: »nullius sectae addictus, contulit plurimum in unum inventa.«

§ 37. Сія теорія древнихъ посредственно или непосредственно усваивались всѣми Риторами времени новѣйшихъ, и почти до половины XVIII столѣтія служили руководствомъ не только во всѣхъ иностранныхъ Университетахъ, но и въ Академіяхъ Кіевской и Славяно-Греко-Латинской Московской, и во всѣхъ духовныхъ училищахъ, заведенныхъ въ Россіи Петромъ Великимъ. До половины XVIII столѣтія почти всѣ и новыя руководства, основанныя на древнихъ теоріяхъ, со-

---

*) Orator. c. XV. 126.

**) Orator. c. VII. 45.

чиняемы были на одномъ только языкѣ Латинскомъ, какъ по укоренившемуся еще со времени возстановленія просвѣщенія предразсудку, что ученые предметы должны быть излагаемы только на языкѣ ученомъ или мертвомъ, такъ и по недостатку ученой терминологіи языковъ новѣйшихъ и по затрудненіямъ, которыя испытываемы были Сочинителями отъ сего недостатка.

Г Л А В А IV.

О достопримѣчательнѣйшихъ Русскихъ Риторикахъ.

§ 38. У насъ первый отважился преодолѣть затрудненія и предразсудки своего вѣка преобразователь нашего языка и Краснорѣчія бессмертный *Ломоносовъ*. Изданная имъ Риторика заключаетъ въ себѣ ученіе о Краснорѣчіи вообще, какъ Прозаическомъ, такъ и Стихотворномъ. По предположенному имъ плану она составляетъ только введеніе въ *Ораторію* и *Поэзію*; но сей планъ, къ сожалѣнію, не былъ приведенъ въ исполненіе.

§ 39. Риторика Ломоносова состоитъ изъ трехъ частей: I) о Изобрѣтеніи; II) о Украшеніи; III) о Расположеніи. Изобрѣтаются идеи, доводы и витіеватыя рѣчи (*sententiae*) изъ общихъ Риторическихкихъ мѣстъ. Сіи мѣста, составляющія первую главу его Риторики, предложены по плану руководства, основанныхъ на Аристотелѣ, но съ разсужденіемъ и здравою критикою. Такъ называемыя внѣшнія мѣста: примѣры, свидѣтели, пытка

(quaestio) и самое опредѣленіе Авторомъ исключены; ибо они входятъ въ составъ прочихъ; напр. Опредѣленіе есть идея, сложенная изъ идей рода и свойствъ, которыя сами по себѣ составляютъ два особыя мѣста. Статью *о возбужденіи, утоленіи и изображеніи страстей*, слѣдуя Аристотелю, онъ основалъ на нравахъ Оратора, на склонностяхъ слушателей и самомъ образѣ убѣжденія: *in moribus ajus, qui dicit, et in eo, ut auditor afficiatur aliquo modo, et in ipsa ratione, qua demonstrat Orator aut demonstrare videatur*. Въ главѣ о *вымыслахъ*, подъ коими онъ разумѣетъ всѣ умственные предметы, облекаемые въ образъ, искусно сближаетъ искусство Ораторское съ Поэзіею.

§ 40. *Украшеніе*, составляющее вторую часть Риторики Ломоносова, слѣдовало бы назвать вообще *Выраженіемъ*. Ибо предлагаемая въ ней чистота штиля, тропы реченій и самое теченіе слова (*numerus Oratorius*), по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, суть качества Грамматическія и принадлежатъ равно всякой простой и легкой прозѣ, какъ и слогу Ораторскому.

§ 41. Располагаются изобрѣтенные предметы по *Хріямъ*, *Силлогизмамъ*, *Разговорамъ* и *Описаніямъ*. Ломоносовъ доказываетъ многими примѣрами, что разные виды Силлогизма не только служатъ основаніемъ разныхъ прозаическихъ сочиненій, но и разныхъ стихотвореній. Къ симъ послѣднимъ относитъ онъ 30-ю Оду III-й книги Горация: *Я знакъ безсмертія себѣ воздвигнулъ*; также и собственныя свои Оды: *Лице свое скрываетъ день* и *Хвалу Всевышнему Владыкѣ*.

§ 42. Одна изъ существенныхъ частей Риторикѣ, — ученіе о строеніи періодовъ, — предложена Ломоносовымъ слишкомъ кратко; виды ихъ не исчислены и самое различіе Логическаго предложенія отъ простаго періода и отъ членовъ періода сложнаго неопредѣлено, напр. слѣдующій періодъ: »Ежели бы небо благоволило, чтобы чловѣкъ препровождалъ жизнь свою безбѣдно, то бы онъ своего счастья не могъ чувствовать,« — названъ тричленнымъ; и между словами *благоволило* и *чтобы* поставленъ знакъ препинанія (;), употребляемый только для раздѣленія членовъ періода. Можетъ быть есть и еще нѣсколько подобныхъ недостатковъ, не избѣжныхъ при первоначальномъ появленіи Систематическихъ руководствъ; но основа и строгая связь всей вообще его теоріи, ясность и точность въ опредѣленіяхъ, изложеніе способовъ, какъ скрывать механизмъ періодовъ, Хрій и Силлогизмовъ подъ формами Фигуръ, Разговоровъ и Описаній, служатъ доказательствомъ тонкости его вкуса и глубокаго знанія всѣхъ тайнъ того искусства, коимъ онъ стяжалъ себѣ безсмертіе. Примѣры, приведенные Ломоносовымъ въ Риторикѣ, почти всѣ заимствованы имъ изъ самыхъ источниковъ Краснорѣчія, т. е. изъ рѣчей Демосфена, Цицерона, Плинія и другихъ древнихъ Ораторовъ, которые служили и ему самому первыми учителями и образцами.

§ 43. Неизлишнимъ считаемъ упомянуть здѣсь о *Краткомъ руководствѣ къ Ораторіи Россійской*, сочиненіи Префекта Іеромонаха *Амвросія*, по коему образовались многіе изъ духовныхъ Ораторовъ, и которое въ первый разъ появилось въ

свѣтъ въ 1788 году. Въ расположеніи сего Руководства Авторъ слѣдовалъ древнимъ и новѣйшимъ Риторамъ; но примѣры приводилъ почти изъ однихъ только Россійскихъ Писателей. Онъ первый предложилъ на Русскомъ языкѣ правила о различныхъ родахъ доказательствъ, свойственныхъ каждому роду Ораторскихъ рѣчей въ особенности; самыя рѣчи раздѣляетъ на два рода: на *показательный* (*demonstrativum*) и *совѣтовательный* (*deliberativum*), включая въ сихъ двухъ и третій родъ *судебный*. Авторъ заплатилъ дань своему вѣку подробнымъ исчисленіемъ рѣчей поздравительныхъ съ бракомъ, днемъ рожденія, чиномъ и пр.

§ 44. Помянутое Руководство раздѣляется на четыре части по главнымъ должностямъ Оратора: на Изобрѣтеніе, Расположеніе, Украшеніе и Произношеніе; но Краснорѣчію приписывается преимущественно одно украшеніе, состоящее въ изображеніи изобрѣтенныхъ и расположенныхъ вещей пристойными выраженіями. Въ концѣ сей книги предложены вкратцѣ разные роды штиля и ихъ качества. Достойно замѣчанія, что Авторъ сего Руководства еще слишкомъ за двадцать лѣтъ до спора, возникшаго о старомъ и новомъ слоgѣ, училъ, что собственно Русской штиль не можетъ быть довольно изобилень и высокъ безъ Славянскаго, и что нѣтъ однако же ничего противнѣе слуху, какъ нелѣпое соединеніе чистаго Россійскаго реченія непосредственно съ чистымъ Славянскимъ.

§ 45. Помянутый споръ возникъ съ появленіемъ въ 1802 году книги А. С. Шишкова о *Старомъ и Новомъ Слоgѣ*. Авторъ сильно напалъ на страсть

къ Французскому языку, на употребленіе галлицизмовъ и на смѣшныя новизны, которыми новые Писатели портили языкъ, мечтая подражать Карамзину. Въ Литературномъ мірѣ произошли двѣ партіи; одна съ жаромъ возстала противъ Славянскихъ оборотовъ и обветшалыхъ словъ, одичавшихъ для Русскаго уха; другая силилась обнаружить всѣ излишества подражателей Карамзина, вставлявшихъ вмѣстѣ съ галлицизмами цѣлыя Французскія строки въ страницы, печатаемыя Русскими буквами. Умѣренная и здравая Критика, воспользовавшись симъ противоборствомъ, изыскивала средства опредѣлить число и мѣру сближенія языка Русскаго съ Славянскимъ и чрезъ сліяніе старыхъ словъ съ новыми формами склоненій и спряженій установить слогъ легкій, чистый и ясный.

§ 46. Появленіе Риторикѣ *Г. Рижскаго*, которая въ первый разъ издана въ свѣтъ въ 1796 году, составило новую эпоху въ Исторіи Русской Литературы, по части Теоріи Краснорѣчія. До сего времени Русская Риторика, ограничиваясь однимъ механизмомъ, сооруженнымъ древними Риторами, оставалась какъ бы безъ дѣйствія и въ усыпленіи; *Г. Рижскій*, слѣдуя за ходомъ просвѣщенія Европейскаго, распространилъ ея предѣлы, и сближая Краснорѣчіе съ основаніями Эстетики, старался дать оному новое направленіе и новую душу. Предложенныя имъ правила о строеніи періодовъ, о разныхъ родахъ и качествахъ слога, объ источникахъ высокаго, о Вкусѣ и Изящномъ, какъ предметъ Вкуса, всегда будутъ имѣть свою важность и цѣну.

§ 47. *Правила Словесности* Г. Профессора Толмачева также заслуживают вниманіе. Онъ основываетъ свою теорію на трехъ способностяхъ души: *разсудкъ, воображеніи и страстяхъ*. Отсюда происходятъ три рода слога и три рода фигуръ. Разсудокъ, рождая понятія, дѣлаетъ слогъ яснымъ, точнымъ и вѣрнымъ; картины воображенія также должны быть ясны, красивы, точны и сообразны предмету. По тремъ способностямъ души Писатели раздѣляются на Философовъ, Стихотворцевъ и Витій. *Высокое* также раздѣляется на три рода: высокое разсудка, воображенія и страстей. Къ первому относятся истины отвлеченныя, ко второму отважныя мысли и предметы, огромностію или силою изумляющія.

§ 48. Начало, принятое въ основаніе помянутой теоріи, довольно обширно и просто; но Авторъ не даетъ отчета, почему именно три способности, а не болѣе и не менѣе должны управлять всею системою Словесности; онъ не объясняетъ дѣйствій ихъ ни Логикою, ни Психологіею; притомъ и самъ не строго держится своей основы. Разные роды предложеній и источниковъ изобрѣтенія, періодовъ и хрій не введены въ область помянутыхъ способностей души. Они теряются изъ виду и въ статьяхъ о соразмѣрности между мыслями и словами, о естественной простотѣ въ противоположномъ отношеніи къ искусству, о главныхъ средствахъ усовершенствованія слога и пр. Роды рѣчей, вопреки началу, раздѣлены только на поучительныя и описательныя. Изъ прозаическихъ сочиненій въ семь обширномъ курсѣ предлагаются только Рѣчи, Пись-

ма и Разговоры. Объ Авторъ его можно почти то же сказать, что сказано выше о Квинтиліанѣ: nullius sectae addictus, contulit plurimum in unum inventa.

§ 49. Изъ всѣхъ, изданныхъ Русскими Авторами, пространныхъ и краткихъ курсовъ Красноръчія, первенство принадлежитъ *Краткому изертанію теоріи Изящной Словесности А. О. Мерзлякова*. Не нужно говорить о достоинствахъ плана теоріи, который заимствованъ изъ Эшенбурга; можно только замѣтить, что чистота, точность и ясность изложенія сей книги, изліяніе собственной души незабвеннаго наставника молодыхъ нашихъ Литераторовъ, останутся навсегда образцами учебного слога. Вообще образованію онаго много содѣйствовали Профессоры Московскаго Университета какъ своими произведеніями, такъ и развитіемъ теоріи Вкуса. Имъ обязаны своими успѣхами Эстетика, Критика и разныя отрасли наукъ.

§ 50. Справедливость требуетъ упомянуть здѣсь о занятіяхъ *Бесѣды Любителей Русскаго Слова и Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности*. Чтенія Бесѣды, состоящія изъ произведеній отличныхъ нашихъ Писателей, напечатаны въ двадцати особыхъ книжкахъ. Воспоминанія объ оныхъ тѣсно соединены съ памятью безсмертнаго *Державина*, въ домъ коего происходили засѣданія Членовъ Бесѣды. Въ Трудахъ Московскаго Общества, составляющихъ нынѣ около 30 книгъ, — сверхъ изящныхъ образцовъ въ стихахъ и прозѣ, разсѣяны многія весьма полезныя разсужденія о Словесности. Успѣхамъ сего Общества много содѣйствовалъ бывшій Предсѣда-

тель онаго и Ректоръ Университета, *А. А. Прокоповицъ-Антонскій*, извѣстный своею дѣятельностію, основательными свѣдѣніями въ отечественномъ языкѣ и тонкостію вкуса. Онъ умѣлъ привлечь отличныхъ нашихъ Литераторовъ къ принятію участія въ общепользномъ дѣлѣ усовершенія Русскаго слова.

Г Л А В А V.

О характеристикѣ Русскихъ Прозаиковъ и о настоящемъ состояніи Русской Прозы.

§ 51. Наше Классическое Краснорѣчіе началось духовнымъ витійствомъ, которое появилось въ Москвѣ еще въ XVII столѣтіи вмѣстѣ съ *Симеономъ Полоцкимъ*, и въ царствованіе Петра Великаго считало уже многихъ духовныхъ Ораторовъ. Между сими послѣдними первое мѣсто занимаетъ *Феофанъ Прокоповицъ*, одинъ изъ великихъ сотрудниковъ Петра и просвѣщеннѣйшихъ мужей своего времени. Онъ сочинялъ книги богословскія, историческія, политическія и прагматическія. Въ проповѣдяхъ его, рѣчахъ похвальныхъ и надгробныхъ видны зрѣлыя мысли, сила доказательствъ и Ораторская хитрость располагать части слова, скрывая внутренній составъ онаго цвѣтами Краснорѣчія. Прокоповичъ, прозванный Россійскимъ Златоустомъ, отличался отъ современныхъ ему духовныхъ Витій, *Димитрія святаго* и *Яворскаго*, тѣмъ, что онъ, уклоняясь отъ книжнаго языка, примѣтно старался прибли-

зится къ употребительному въ общежитіи, хотя и не могъ, говоря о новыхъ учрежденіяхъ, избѣжать словъ простонародныхъ, Малороссійскихъ и иностранныхъ. Изъ современниковъ его особенную извѣстность пріобрѣлъ *Гавріилъ Бужинскій*; его проповѣди отличались обиліемъ хорошихъ мыслей, полнотою періодовъ и искуснымъ выборомъ и сочетаніемъ реченій Славянскихъ. Многіе изъ нихъ произнесены были на корабляхъ во флотъ и въ походахъ съ Петромъ Великимъ, который всегда слушалъ его съ особливимъ удовольствіемъ. По восшествіи на Престоль Императрицы Елисаветы, прославились на поприщѣ витійства *Димитрій Сызеновъ*, *Алѣксій Юскевичъ* и преимущественно Придворный Проповѣдникъ *Гедеонъ Криновскій*, который, вопреки обыкновению своихъ современниковъ, уже употреблялъ языкъ Гражданскій, съ его формами и синтаксисомъ. Гедеонъ въ особенности отличался чувствомъ Ораторскимъ, даруемымъ одною природою *).

§ 52. Въкѣ Екатерины II ознаменованъ былъ появленіемъ свѣтила нашей Церкви *Платона*, котораго одинъ изъ ученыхъ иностранцевъ, въ сочиненіи своемъ *о старости*, очень остроумно назвалъ старымъ или древнимъ Платономъ, воскресшимъ для того, дабы излить небесный свѣтъ на землю. Сей мудрый Архипастырь (какъ справедливо замѣчаетъ описатель его жизни) училъ правиламъ Христіанской нравственности не въ утон-

---

*) Характеристика сихъ и прочихъ современныхъ имъ Духовныхъ Витій подробно изложена въ ученомъ *взглядѣ на успѣхи Росс. Витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія*, М. Т. Каченовскаго.

ченыхъ отвлеченностяхъ, не въ придуманныхъ словоизвитіяхъ, не съ желаніемъ блистать умомъ и ученостію, но съ убѣжденіемъ сердца въ истинахъ, имъ предлагаемыхъ, съ примѣненіемъ слова своего смыслу слушателей: *душа его изыде слово его*. Онъ обладалъ отличнымъ даромъ увлекать ихъ выразительностію своего органа, лица, осанки и тѣлодвиженій. Сіи качества, очаровывавшія его современниковъ, умрутъ вмѣстѣ съ ними; но высокій его геній будетъ жить и въ простыхъ пастырскихъ его поученіяхъ, составляющихъ училище Христіанскаго благочестія, и въ безсмертныхъ памятникахъ его высокаго, воодушевленнаго Краснорѣчія: въ образцовыхъ словахъ на *разбитіе Турецкаго флота подъ Чесмою, на коронованіе АЛЕКСАНДРА I-го, въ надгробной В. К. Наталіи Алексѣевнѣ* и многихъ другихъ *). — Глубокое чувство состраданія о бѣдствіяхъ и притѣсненіяхъ, кои Православная Церковь претерпѣвала на Западѣ при Польскомъ Правительствѣ, воодушевило истинный талантъ *Георгія Конискаго* (Архіепископа Бѣлорусскаго) и поставило его на чреду нашихъ первыхъ Ораторовъ Духовныхъ. Сіе чувство служило основаніемъ двухъ прекрасныхъ его рѣчей: Латинской, говоренной имъ (27 Іюля 1765 года) въ Варшавѣ предъ ново-

---

*) См. *Назертаніе житія Платона Митрополита Московскаго*, соч. Профессора Москов. Унив. И. М. Снегирева. Авторъ, одушевленный признательностію и благоговѣніемъ къ памяти сего великаго Пастыря, пользовавшагося уваженіемъ Двора, Отечества и знаменитѣйшихъ особъ въ Европѣ, сохранилъ намъ въ семъ сочиненіи многія весьма любопытныя черты его жизни, характера и генія.

избраннымъ Королемъ Станиславомъ *), и Русской, произнесенной имъ предъ Императрицею Екатериною II послѣ коронованія Ея въ Москвѣ. Одна изъ привѣтственныхъ рѣчей его, по случаю проѣзда Императрицы въ 1787 году чрезъ Могилевскую губернію, также почитается неподражаемымъ произведеніемъ витійства, плодомъ истиннаго вдохновенія. Преемникъ Георгія по управленію Бѣлорусскою Епархіею, *Анастасій Братановскій*, былъ преемникомъ и его дара Краснорѣчія. Соглашая человѣчество съ Христіанствомъ и Философію съ ученіемъ Святаго Евангелія, онъ преимущественно заимствовалъ свои доказательства изъ первой, и умѣлъ самыя отвлеченныя истины излагать слогомъ пріятнымъ, исполненнымъ движеній и до безконечности разнообразнымъ. Самый языкъ его проповѣдей, не смотря на нѣкоторыя слова обветшалыя и на излишество свободы въ словораспоряженіи, уже сливается въ формахъ съ языкомъ новѣйшимъ. Сего нельзя сказать о знаменитомъ *Левандѣ*. Слогъ его еще носитъ на себѣ отпечатокъ суровости его современниковъ; но онъ беретъ надъ всѣми ими преимущество силою мыслей и чувствованій, убѣждающихъ умъ и сердце.

§ 53. Въ царствованіе Благословеннаго Александра, открывшаго новыя средства къ образованію Духовенства, явились новыя и отличныя

---

*) Подлинникъ сей рѣчи находится въ Исторіи объ Уніи, Г. Бантышъ-Каменскаго, а переводъ напечатанъ былъ въ No 14 Вѣстника Европы на 1804 годъ. Король Станиславъ, выслушавъ сію рѣчь, спросилъ: »много ли въ Россіи такихъ умныхъ людей, какъ вы?« »Я самый послѣдній,« отвѣчалъ Преосвященный.

Духовные Витіи. Первенство между ними по справедливости должно быть предоставлено *Амвросію Протасову*, Епископу Тульскому, впоследствии бывшему Архіепископомъ Казанскимъ, а потомъ Тверскимъ. Кругъ дѣйствій сего Архипастыря былъ ограниченіе его талантовъ; но онъ не скрылъ ихъ подъ спудомъ. Амвросій соединялъ въ себѣ все нужное для Оратора: ученость, образованность, вкусъ и глубокое знаніе людей и вѣка. Тонъ его рѣчей большею частію средній, принаровленный къ классу слушателей. Чистота, пріятность и гармонія его слога были плодомъ одного сердца, изліяніемъ того пламеннаго, ревнующаго о вѣрѣ и доблести чувства, которое ниспосылается лишь свыше. Вотъ тѣ орудія, съ которыми онъ возставалъ столь смѣло противъ гражданъ, измѣнявшихъ вѣрѣ, долгу или чести, и коими онъ увлекалъ въ плѣнъ ихъ умъ и сердце. Лучшими изъ рѣчей его почитаются говоренныя имъ въ продолженіе управленія Тульской паствою съ 1804 по 1815 годъ *). Къ образцамъ Духовнаго Витійства можно также отнести нѣкоторыя слова и рѣчи Архіепископа Московскаго *Августина*, говоренныя имъ по случаю побѣдъ, одержанныхъ Россійскими войсками надъ Французскими силами.

§ 54. Въ наше время Духовное Краснорѣчіе получило другое направленіе. Оно повидимому имѣетъ цѣлю насадить добродѣтель и страхъ Бо-

---

*) Митрополитъ Платонъ, читая краснорѣчивыя слова Амвросія, сказалъ однажды съ свойственнымъ ему добродушіемъ и смиреніемъ: »Если бы я писалъ такъ, какъ онъ, то вся бы Россія сходилась меня слушать.« Преосвященный Платонъ разумѣлъ здѣсь неподражаемый свой даръ произношенія.

жій въ сердцахъ слушателей посредствомъ простоты Евангельской и убѣдительности духовной, почитая какъ бы неприличнымъ для себя средствомъ прибѣгать къ украшеніямъ Ораторскимъ на томъ священномъ мѣстѣ, гдѣ устами Проповѣдника должна бесѣдовать Вѣчная Истина. Сіе правило было принято въ основаніе еще самимъ Платономъ, какъ видно изъ его отзывовъ о своихъ поученіяхъ; оно поддерживаемо было Митрополитомъ С. П. Бургскимъ *Михаиломъ* въ его бесѣдахъ, и наконецъ утверждено и распространено изящными образцами Московскаго Митрополита *Филарета*, почитаемаго первымъ Духовнымъ Ораторомъ нашего времени. — Поучительныя слова и рѣчи Магистра Священника *А. И. Малова*, при ясномъ и чистомъ изложеніи, дышатъ Христіанскою простотою, возбуждающею особенную довѣренность къ проповѣднику.

§ 55. Предѣлы плана предлагаемой здѣсь Истории Русской Литературы не позволяютъ намъ входить въ подробныя изъясненія характеристики всѣхъ нашихъ свѣтскихъ Писателей; мы ограничимся однимъ наименованіемъ ихъ и въ особенности тѣхъ, кои талантами и трудами своими преимущественно содѣйствовали къ усовершенію Русскаго слова въ разныхъ его отрасляхъ. Въ Ораторскомъ слогѣ первенство принадлежитъ образователю нашего языка *Ломоносову*, показавшему въ Похвальныхъ словахъ своихъ Петру I-му и Елисаветѣ высокіе образцы Краснорѣчія. Подлѣ сихъ словъ могутъ быть поставлены двѣ рѣчи: о пользѣ и важности *Философій* и торжественное Слово на день Коронованія Императрицы Ели-

САВЕТА *Поповскаго*, похвальные Слова Императрицы *Екатерины II-й Карамзина*, Императору *Александру I-му Мерзлякова* и *Князя Ширинскаго - Шихматова*, Генераль-Фельдмаршалу *Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому*, *Панаева*. Достойны также особеннаго вниманія Академическія рѣчи, произнесенныя въ разные времена на разные случаи въ Императорской Академіи Наукъ Президентомъ оной *С. С. Уваровымъ*, въ Императорской Россійской Академіи Президентомъ *А. С. Шишковымъ*, въ Московскомъ Обществѣ Любителей Росс. Словесности Предсѣдателемъ онаго *А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ*, и рѣчь *Н. М. Карамзина* въ собраніи Россійской Академіи 5 Декабря 1818 года.

§ 56. Къ изящнѣйшимъ образцамъ *Военнаго Краснорѣчія* могутъ быть отнесены въ *высокомъ слоге*: Приказы войскамъ Императора *Александра I-го* въ знаменитую войну съ Французами и Приказы Генераль-Фельдмаршала *Князя Варшавскаго*, *Графа Паскевича-Эриванскаго*, въ продолженіе блистательныхъ побѣдъ его въ Турціи въ 1828 и 1829 годахъ (см. въ книжкѣ: *последняя война съ Турціею*, *П. А. Ювскаго*); а въ *простонародномъ Русскомъ тонѣ*, родномъ для нашихъ воиновъ, Приказы и Инструкціи *Суворова Чудобогатыря* (о слоге его см. сочиненіе *Кн. В. Н. Репнина* въ 23 № Атеней 1828 года.)

§ 57. *Ученыя Разсужденія*, по принятому въ нашихъ Академіяхъ и Университетахъ обычаю, по бѣльшей части пишутся на языкѣ Латинскомъ; сей обычай, хотя и полезный въ ученомъ отношеніи, лишаетъ Русскую Литературу многихъ

важныхъ преимуществъ, по праву ей принадле-
жащихъ. На Русскомъ языкѣ занимательнѣйшія
по важности предлагаемыхъ въ нихъ предметовъ
суть слѣдующія: о нравственныхъ приѣинахъ не-
мовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войны съ Францу-
зами 1812 года, Москов. Митр. Филарета; о люб-
ви къ отечеству и народной гордости, Карамзина;
о приѣинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей Словес-
ности, Гнѣдича; о морали, основанной на Филосо-
фїи и Религїи, Батюшкова; кто истинно добрый
и счастливый человекъ, Жуковского; о пользѣ Фи-
зики, Ломоносова; о старомъ и новомъ сло-
гѣ Росс. языка, Шишкова; о Славянскомъ языкѣ, Востокова.

§ 58. По части учебной достойны уваженія тру-
ды: Тредьяковскаго, Ломоносова, Соколова, Борна,
Рижскаго, Никольскаго, Талызина, Левитскаго,
Кошанскаго, Остолопова, Могилевскаго, Галица,
Плаксина; лучшія по способу изложенія учебныя
сочиненія принадлежать А. О. Мерзлякову, Н. И.
Грегу, И. И. Давыдову, Автору (изъ духовныхъ)
Опыта Теорїи Словесныхъ Наукъ, изданнаго въ
1832 году, и пр.

§ 59. По части Теорїи и Исторїи Изящныхъ
Художествъ писали: А. Н. Оленинъ, М. Т. Каче-
новскій, А. А. Писаревъ, В. И. Григоровичъ, А. И.
Галицъ, Н. И. Надеждинъ (о современномъ напра-
вленіи Из. Искусствъ) и М. Е. Лобановъ, (вы-
ставка Академіи Художествъ 1833 года). Розы-
сканія Г. Профессора Каченовскаго по поводу ста-
ринной золотой медали, открытой въ Черниговѣ,
помѣщенные въ Вѣстникъ Европы 1822 года, обра-
тили особенное вниманіе Парижской Академіи
Наукъ, въ которой они были читаны въ переводѣ.

§ 60. Общій голосъ просвѣщенныхъ судей нашей Литературы нарекъ *Мерзлякова* первенствующимъ въ ареопагѣ нашей *Критики*. Острый и проницательный взглядъ, вѣрный вкусъ, любовь къ справедливости, искренность и тонъ благородный, умѣренный составляютъ отличительныя его качества. Самые восторги его, если онъ когда-либо себѣ ихъ позволяетъ, проистекаютъ отъ одного лишь глубокаго чувства изящности, свободнаго отъ всякаго пристрастія и личностей. Критика *А. С. Шишкова*, всегда согрѣтая пламенною любовью къ языку отечественному, непримѣтнымъ образомъ содѣйствовала къ избавленію онаго отъ наводненія духа иноплеменной Литературы. Сочиненія *М. Т. Казеновскаго*: *Разсужденіе о Похвальныхъ словахъ Ломоносова и взглядъ на успѣхи Россійскаго Витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія* по справедливости поставлены образцами ученыхъ Критическихъ изслѣдованій. Общею Характеристикою нашихъ Прозаическихъ Писателей и Поэтовъ съ успѣхомъ занимались, кромѣ Мерзлякова, *Карамзинъ*, *Макаровъ*, *Батюшковъ*, *Жуковский*, *Князь Вяземскій* и *Плетневъ*.

§ 61. Отцемъ нашей *Исторической Критики* почитается *Шлецеръ*. Дальнѣйшими успѣхами своими она много обязана ученымъ изслѣдованіямъ нашихъ Археологовъ: Митрополита *Евгенія*, *Казеновскаго*, *К. Калайдовича*, *Строева*, *Погодина*, *Кеппена*, *Графа Мусина-Пушкина*, *А. И. Оленина*, *Д. И. Языкова*, *Н. Н. Муравьева*, *Устрялова*, *Барона Розенкампфа*, *Арицыбашева*, *Руссова*, *В. И. Берха*, и пр. Изъ Русскихъ Академиковъ, писав-

шихъ на Нѣмецкомъ языкѣ, большую услугу по сей части оказали: *Ф. И. Кругъ*, *А. Х. Лербергъ*, *О. Ш. Аделунгъ* и *С. Ф. Эверсъ*. Труды *Р. О. Тимковскаго*, одного изъ ученыхъ нашихъ Критиковъ по части Русской Исторіи, къ сожалѣнію погибли во время пожара Москвы въ 1812 году.

§ 62. *Статистика* появилась у насъ вскорѣ послѣ рожденія своего въ Европѣ и, можно сказать, еще со времени появленія сочиненія *Г. Плесеева*, напечатаннаго въ 1790 году подъ заглавіемъ: *Обозрѣніе Россійской Имперіи въ нынѣшнемъ ея состояніи*; но приведеніемъ Статистическихъ свѣдѣній въ систему занимались весьма не многіе. Изъ числа ихъ достойны уваженія труды *И. И. Гейма* и *Е. Ф. Зябловскаго*. Къ распространенію круга сей науки много содѣйствовали своими сочиненіями (на Нѣмец. языкѣ) *А. Б. Шторхъ* и *К. О. Германъ*. Нынѣ преимущественно занимается ею извѣстный нашъ Статистикъ *К. И. Арсеньевъ*. Ему поручено, по званію его Наставника Его Высочества Цесаревича, составить подробную и полную Статистику Рос. Государства, и на сей конецъ открыты всѣ источники и средства. Изъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1823 года, видно, что сей ученый мужъ, посредствомъ сравненій и выводовъ, намѣренъ дать ей видъ науки положительной, долженствующій служить основаніемъ всѣмъ знаніямъ историческимъ и политическимъ. Въ семъ отношеніи Статистика будетъ Грамматикою не только политической, но, такъ сказать, и литературною, и особливо при нынѣшнемъ направленіи Литературы къ народности.

§ 63. Собственно *Русскою Исторіею* занимались *Хилковъ, Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ, Елагинъ, Мальгинъ, М. Н. Муравьевъ, С. Н. Глинка*. Между ними первенство по справедливости принадлежит *Н. М. Карамзину*. *Исторія Россійскаго Государства* есть изящнѣйшій памятникъ его таланта и нашего вѣка. Не увлекаясь излишними трансцендентальными умствованіями, она представляетъ всѣ происшествія кратко, занимательно, въ надлежащемъ свѣтѣ и связи съ ихъ причинами и слѣдствіями. Обильная новыми матеріалами и открытіями, она дала особенное движеніе настоящей нашей Критикѣ и приготовила ее къ новымъ и высшимъ взглядамъ. Подозрѣніе нѣкоторыхъ судей, что Исторіографъ жертвовалъ изящности изложенія самою истиною, опровергаются само собою: ибо невозможно, чтобы твореніе, отличающееся умѣренностію и благородствомъ тона, чуждаго всякой самоувѣренности и самохвальства, и согрѣтое искреннимъ участіемъ автора въ изображаемыхъ имъ предметахъ, въ то же время заключало въ себѣ притворство и мелочную заботливость о ложномъ блескѣ. Мысль написать *Исторію Русскаго народа* есть новая и въ нашей Литературѣ исключительно принадлежащая *Н. А. Полево*му. Выполненіе оной можетъ достойно быть оцѣнено только по изданіи имъ въ свѣтъ всего сочиненія. Изъ частныхъ Исторій о Россіи, примѣчательнѣйшія суть: *объ Уніи, Н. Н. Бантышъ-Каменскаго* и *о Малороссіи, Д. Н. Бантышъ-Каменскаго*. *Назертаніе Церковно-Библейской Исторіи* Московскаго Митрополита *Филарета* имѣетъ всѣ существенныя достоинства, принадлежащія сему роду сочиненій.

§ 64. *Біографією, характеристиками, мыслями и описаніями*, какъ особенными родами сочиненій, у насъ занимались мало; *разговорами* также. Примѣры первыхъ находятся: у Карамзина *чувствительный и хладнокровный*, у Батюшкова *Картина Финляндіи*, у Жуковского *Рафаелева Мадонна*, у Гнѣдича *о статуѣ мира*, изваянной для Гр. Н. П. Румянцова скульпторомъ Кановою. Какъ составныя части повѣствовательнаго слога, характеры и описанія встрѣчаются во многихъ мѣстахъ *Исторіи Россійскаго Государства Карамзина* и *Исторіи древней Греціи К. Арсеньева*. Лучшіе *опыты мыслей* принадлежатъ *С. Д. Негаеву*. Зрѣлый и проицательный умъ составляютъ ихъ отличительное качество (въ *Вѣстн. Европы* разныхъ годовъ). Разговоръ бываетъ или *драматическій*, заключающій въ себѣ дѣйствіе, или *философскій*, имѣющій цѣлю показать какую-либо общую истину съ разныхъ точекъ зрѣнія или просто занимающійся изображеніемъ характеровъ вымышленныхъ или историческихъ. О первомъ, который принадлежитъ Поэзіи, сказано будетъ ниже; примѣрами двухъ послѣднихъ могутъ служить *о счастіи Карамзина*, *Вечеръ у Кантемира Батюшкова* и *Разговоры въ царствѣ мертвыхъ М. Н. Муравьева*.

§ 65. Иногда описанія, замѣчанія или изысканія о природѣ, искусствахъ и наукахъ предлагаются въ видѣ *писемъ*, дабы чрезъ оныя дать описываемымъ предметамъ болѣе живости и пріятности: таковы письма Русскаго путешественника, *Карамзина*; обитателя предмѣстія и *Эмилиевы письма, М. Н. Муравьева*; изъ Москвы

въ Нижній Новгородъ, *И. М. Муравьева-Апостола*. Изъ записокъ достопримѣчательнѣйшія по важности своего содержанія суть: *Фл. К. Головнина* о приключеніяхъ его въ плѣну у Японцевъ; *Фл. К. Рикорда* о плаваніи его къ Японскимъ берегамъ и о сношеніяхъ съ Японцами; Капитана 2-го ранга *Броневскаго* записки въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ Вице-Адмирала *Д. Н. Сенавина*, съ 1805 по 1810 годъ, и *Отечественныя записки П. П. Свиньина*, издаваемыя имъ въ видѣ журнала. *Панорама Парижа Л. А. Цвѣтаева* есть статистическое изображеніе достопримѣчательностей сей столицы въ одну изъ занимательнѣйшихъ эпохъ ея, — въ то время, когда Наполеонъ, слагая званіе Консула, восходилъ на тронъ Бурбоновъ. *Путешествіе къ святымъ мѣстамъ А. Н. Муравьева*, въ описаніи святыней Іерусалима, дышетъ чувствами глубоко проникнутаго вѣрою Христіанина. *Русскіе поклонники въ Іерусалимъ*, — отрывокъ изъ Путешествія по Греціи и Палестинѣ въ 1820 году, *Д. В. Дашкова*, — представляютъ образецъ правильного, чистаго и благороднаго слога, образованнаго въ училищѣ древнихъ и новыхъ классиковъ. — Изъ ученыхъ путешествій достойны уваженія: Записки *Гмелина*, *Лепехина*, *Шелихова*; Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Академіею Наукъ 1818 — 1825 и Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ, *Е. Тилковскаго*. — Письма Русскаго Офицера съ 1812 по 1815 годъ, *О. Н. Глинки*, — Записки *Михайловскаго-Данилевскаго* 1814 и его же Воспоминанія 1815 года, — Военныя письма и за-

мѣчанія *А. Н. Писарева*, — Письма Русскаго Инвалида, *Г. М. Скобелева* и Краткія записки Адмирала *Шушкова*, любопытны, какъ памятники одной изъ блистательнѣйшихъ эпохъ новой Русской Исторіи. Послѣднія, введенныя во все время пребыванія Адмирала при блаженной памяти Государь Императоръ Александръ I-мъ въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну, сверхъ многихъ занимательныхъ подробностей, заключаютъ въ себѣ изложеніе тѣхъ поводовъ, по коимъ сочиняемы были имъ, въ слѣдствіи личныхъ порученій и подъ наблюденіемъ самаго Монарха, всѣ Высочайшіе Манифесты того времени, отличающіеся силою пламеннаго и высокаго краснорѣчія.

§ 66. Сочиненія *сатирическія* нравственные введены въ нашу прозу еще *Сулариоковыми*. Они продолжались въ разныхъ журналахъ, кои издаваемы были во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. Нынѣ очень часто встрѣчаются статьи сего рода, подъ названіемъ *юмористики*, въ Сѣверной Пчелѣ. Большая часть изъ нихъ принадлежитъ *г. Булгарину*, а нѣкоторыя Автору, скрывающему себя подъ именемъ *Барона Брамбеуса*. Первыя отличаются сатирическою солью, послѣднія затѣйливостію содержанія, тонкою острою и непринужденною веселостію. Къ сему же роду можно отнести нѣкоторыя изъ сказокъ *Козака Луганскаго* (вымышленное имя), обратившія вниманіе публики новостію содержанія и тона, — довольно удачнымъ подражаніемъ забавному простодушію народныхъ Русскихъ сказокъ.

§ 67. При всемъ усилии нашихъ Ученыхъ, слогъ собственно *философскій* или *метафизическій* еще далекъ отъ совершенства; потому, что Философія, равно какъ и большая часть такъ называемыхъ *тожныхъ Наукъ*, еще не достигли своей зрѣлости, а равно и потому, что многіе изъ занимающихся сими Науками по какому-то закорѣнелому предразсудку почитаютъ основательное изученіе языка предметомъ для себя постороннимъ. Только въ послѣднее время начали появляться въ семь родъ сочиненія, съ бѣльшимъ тщаніемъ обработанныя. Между ними мы съ особеннымъ удовольствіемъ наменуемъ *Введеніе въ науку о Философїи*, О. Сидонскаго и *Основанія Физики* Г. Профессора Павлова. Сїи творенія, достопримѣчательныя по оригинальности теорій, по строгой систематической послѣдовательности и по усвоенію себѣ языка правильнаго, чистаго и яснаго (и въ особенности послѣднее изъ нихъ), должны радовать каждаго любителя умственныхъ, духовныхъ наслажденій.

§ 68. Цицеронъ въ сочиненіи своемъ *объ Ораторѣ* (lib. III. п. 198) говоритъ: »составлять періоды мы недавно научились и осмѣлились. Древніе, подобно неученымъ современникамъ нашимъ, не умѣли давать слову своему полноты и круглости. У нихъ составъ рѣчи заключался въ трехъ, двухъ, а иногда и въ одномъ словѣ.« — Надобно признаться, что мы похожи на сихъ древнихъ и что, при всемъ изобиліи нашемъ въ рѣчахъ похвальныхъ и академическихъ, еще не имѣемъ собственно Ораторскаго слога, увлекающаго стройностію и благозвучіемъ періодовъ. Ломоносовъ

указалъ намъ путь къ образцамъ истиннаго краснорѣчія: Демосфену, Цицерону и Плинію; но мы избрали другой: языки новѣйшіе, которые большею частію и по своему сложенію не способны къ естественному порядку рѣчи и къ истекающему изъ онаго разнообразію речема.

§ 69. *Дѣловый* слогъ Министерствъ, при посредствѣ чиновниковъ, получившихъ образованіе въ Университетахъ и модъ наблюденіемъ просвѣщенныхъ начальниковъ, со дня на день пріобрѣтаетъ большую чистоту, ясность и точность. Переписка Министровъ съ подчиненными имъ мѣстами, безъ сомнѣнія, не замедлитъ распространить тонъ его и въ сихъ послѣднихъ.

§ 70. Изданный въ началѣ 1833 года въ собственной Канцеляріи Его Императорскаго Величества Сводъ Законовъ, — безсмертный памятникъ попеченій Отца Отечества о благѣ ввѣренныхъ Ему Провидѣніемъ народовъ, — служитъ въ то же время свидѣтельствомъ о той степени совершенства, до которой доведенъ нынѣ слогъ *законоположительный*. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ наше время Учрежденія и Уставы, издаваемые по разнымъ отраслямъ Министерскаго управленія. Чистота, ясность и точность, составляющія отличительныя ихъ качества, не суть одна прихоть и роскошь, но главное и существенное условіе всякаго законоположенія, — столько же въ немъ необходимое, сколько и въ учебномъ слогѣ, а по слѣдствіямъ своимъ еще болѣе важное, нежели въ послѣднемъ. Ибо темнота учебной книги вовлекаетъ въ заблужденіе одинъ разумъ, а сбивчивость и обоюдность смысла

законовъ въ одно и то же время и невиннаго приводятъ къ неумышленному ихъ нарушенію и виновному даютъ средства къ прикрытію злонамѣренныхъ его поползновеній. Устранить по возможности сіи недостатки и неудобства,—вотъ одна изъ цѣлей настоящаго законодательства, достигаемая преимущественно основательнымъ знаніемъ языка отечественнаго.

§ 71. Начало образованія *высшаго дипломатическаго слога*, заключающаго въ себѣ Манифесты, Высочайшіе Указы, Рескрипты и Рѣчи Монархамъ отъ Синода, Государственнаго Совѣта и Сената, принадлежитъ блистательному царствованію Екатерины Великой. Сочиненіемъ Манифестовъ и нѣкоторыхъ Указовъ въ то время преимущественно занимались Сенаторъ *Тепловъ*, Государственный Канцлеръ Князь *Безбородко*, Статсъ-Секретарь Графъ *Завадовскій*, Статсъ и Кабинетъ-Секретарь *Храповицкій*; при Павлѣ I, *Распопкинъ*, при Александрѣ I, *Сперанскій* и *Шишковъ*, по званію ихъ Государственныхъ Секретарей. Манифесты, Воззванія и Рескрипты, писанныя *Шиховымъ* въ продолженіе славной отечественной войны и знаменитаго похода во Францію, въ коемъ онъ сопровождалъ Императора Александра, отличаются истиннымъ краснорѣчіемъ и высокими чувствами, почерпнутыми изъ необыкновенныхъ тогдашнихъ событій. Нынѣ Манифесты пишутся подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ Государя Императора достойными исполнителями Его Высочайшей воли. Мы не смѣемъ здѣсь именовать тѣхъ, коихъ дѣла и имена, вмѣстѣ съ вѣкомъ Николая I, принадлежатъ Исторіи.

§ 72. Одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ явленій въ нашей Литературѣ въ послѣднее время есть изданіе (въ 1823 и 1825 годахъ) *Документовъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Западными Державами Европейскими* отъ заключенія всеобщаго міра въ 1814, до конгресса въ Веронѣ въ 1822 году. Сей огромный трудъ, предпринятый Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, и исполненный подъ непосредственнымъ, и дѣятельнымъ наблюденіемъ *Д. Н. Блудова*, заключаетъ въ себѣ болѣе 100 публичныхъ актовъ. Съ появленіемъ сихъ опытовъ, увѣнчанныхъ совершеннымъ успѣхомъ въ исполненіи разрѣшившагося вопроса о возможности намъ образовать свой дипломатическій языкъ посредствомъ переложенія съ Французскаго на Русскій разнаго рода трактатовъ, конвенцій, протоколовъ, нотъ, декларацій и другихъ актовъ, могущихъ быть обнародованными. Не нужно доказывать всю важность подобныхъ предпріятій; ихъ требуютъ честь и могущество Имперіи, польза народнаго просвѣщенія и существенныя выгоды самой дипломатіи; ибо извѣстно, что распространеніе отечественнаго языка во всѣ времена было однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ распространенію круга отечественной политики. Изъ числа трактатовъ, заключенныхъ въ разныя времена Россійскими Монархами съ иностранными Державами, многіе присовокуплены къ *Полному собранію законовъ Россійской Имперіи*, явившемуся въ благополучное царствованіе Государя Императора Николая I. Польза обнародованія сихъ и другихъ Государственныхъ актовъ отчасти

уже оправдана изданіемъ въ свѣтъ въ 1833 году Профессоромъ Царскосельскаго Лицея *И. К. Кайдановымъ* единственнаго въ своемъ родѣ на Русскомъ языкѣ сочиненія: *Краткаго изложенія Дипломатіи Россійскаго Двора, со времени восшествія на Всероссійскій Престолъ Дома Романовыхъ до кончины ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.*

§ 73. Слогъ разговорный и письменный опредѣляются тономъ словеснаго обращенія въ различныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ жизни; у насъ въ высшихъ обществахъ нѣтъ другаго языка, кромѣ Французскаго: вотъ почему мы имѣемъ мало разговоровъ и писемъ въ тонѣ легкомъ и привѣтственномъ. Образчики послѣднихъ можно находить въ протоколахъ Московскаго Общества Любителей Рос. Словесности, напечатанныхъ при Трудахъ его.

§ 74. Не нужно распространяться здѣсь о совершенствахъ нашего *историческаго слога*; торжество его уже опредѣлено яснымъ, чистымъ, благороднымъ и пріятнымъ языкомъ Исторіи Государства Россійскаго. Тоже почти можно сказать и вообще о нашей легкой Прозѣ; остается только желать, чтобы она не слишкомъ казалась тощею и была одушевлена истинною и основательною ученостію Писателей.

§ 75. *Карамзинъ* по справедливости почитается образователемъ нашей легкой Прозы; но мы не можемъ безусловно согласиться съ тѣми, кои приписываютъ исключительно ему изгнаніе изъ Русскаго слога періодовъ и притомъ ставятъ сіе въ числъ особенныхъ заслугъ его нашей Литературѣ.

Слогъ такъ называемый отрывистый, — сколокъ съ языка Французскаго, — существовалъ еще до Карамзина; доказательствомъ тому служатъ статьи, разсѣяныя въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ Академика Миллера съ 1755 по 1765 годъ, въ *Невинномъ Увеселеніи* Богдановича въ 1763 году и особенно въ восьми разноименныхъ журналахъ *Новикова* съ 1769 по 1782 годъ и въ періодическихъ сочиненіяхъ питомцевъ Московскаго Университета. Между переводчиками и сочинителями славились въ то время *Елагинъ*, *Фонъ-Визинъ* и уже извѣстенъ былъ *Подшиваловъ*; но преимущество предъ ними Карамзина заключалось въ чистотѣ, пріятности и сладости слога, проистекавшихъ отъ нѣжности его слуха и вкуса. Съ другой стороны намъ странною кажется мысль, чтобы Русскій языкъ, — сей жилецъ древнихъ временъ, имѣющій всѣ черты и качества языковъ Греческаго и Латинскаго, — могъ получить какой-либо выигрышъ чрезъ перемѣну своего свободнаго и великолѣпнаго облаченія на новую, тѣсную и обрѣзанную одежду Французскую. Говоря о періодахъ, не надобно смѣшивать пневмы или, такъ сказать, одышки Нѣмецкія съ собственною формою древнихъ періодовъ. Первыя, почти всегда растянутыя и вводными мыслями перерываемыя, дѣйствительно тяжелы для слуха и утомительны для чтенія; въ послѣднихъ части стройны, члены измѣрены и перестановка словъ, основанная на чувствѣ естественнаго порядка, принаровлена къ гармоніи. Полнота и округлость цѣлаго состава періодовъ даютъ имъ плавный бѣгъ шара, обращающагося вокругъ самаго себя во время движенія его по

гладкой поверхности. Древніе употребляли ихъ преимущественно въ Ораторскихъ рѣчахъ и вообще, гдѣ мысли, по ходу Логическому или по стремленію чувствъ, должны переливаться одна въ другую; а для соблюденія разнообразія, какъ одного изъ главныхъ условій изящества, они перемѣшивали ихъ всегда съ прочими не періодическими формами. И такъ не періоды дѣлаютъ рѣчь тяжелою, а неумѣные построения періодовъ и незнаніе мѣста ихъ употребленія. У насъ, послѣ Ломоносова, постигъ сію тайну нашъ ученый, Политикъ и Философъ-Писатель, *М. Н. Муравьевъ*; слогъ его, образованный въ училищѣ древнихъ, сохранилъ на себѣ печать ихъ природы и искусства. *Шушковъ* также украсилъ періодами лучшія изъ своихъ сочиненій въ высшемъ дипломатическомъ родѣ. Въ Манифестахъ, Рескриптахъ и дѣловыхъ бумагахъ, требующихъ изящнаго изложенія, они удерживаются доселѣ, и поставленные на приличномъ мѣстѣ, сообщаютъ рѣчи особенное благородство и благозвучіе. У самаго Карамзина лучшія мѣста одной изъ прекраснѣйшихъ его повѣстей, *Марѣи Посадницы*, суть періодическія; напротивъ того Похвальное Слово его *Екатерины II* можетъ быть теряетъ много своей цѣнности единственно отъ того, что избранная имъ форма изложенія, слогъ отрывистый, не вполне соответствуетъ важности и высоте предмета.

§ 76. Настоящее стремленіе нашей повѣствовательной Прозы обращено почти исключительно къ одному *Роману*. Причина сего явленія скрывается въ самомъ духѣ времени. Для объясненія

онаго, предварительно надлежитъ принять въ соображеніе двѣ замѣчательнѣйшія эпохи въ политической жизни каждаго вообще народа: его *рожденіе* и *возрожденіе*. Первая сливается съ временами героическими; главную роль играютъ въ ней герои, давшіе жизнь народу. Въ исторіи нашего политическо-Европейскаго существованія первое и священнѣйшее лице есть Петръ Великій. Вторая эпоха имѣетъ отличительнымъ характеромъ своимъ благородное самочувствіе народа. Въ Россіи оно раскрылось въ славную отечественную войну 1812 года и ознаменовалось полнымъ торжествомъ нравственныхъ силъ народныхъ: самоотверженіемъ для охраненія Православія, Престола Царей и славы Отечества. При началѣ каждаго изъ сихъ періодовъ или возрастовъ народа открывается въ немъ особенная склонность къ рассказамъ. Предметомъ оныхъ бывають, въ первомъ періодѣ, дѣянія героевъ, сливающихся въ его понятіяхъ съ лицами небожителей, во второмъ самъ народъ со всѣми его доблестями, подвигами, нравами, обычаями. Отсюда произошли два рода Поэмы Эпической: *героическая* и *романтическая*. Сія послѣдняя у Грековъ послѣ Марафонской битвы и у Римлянъ послѣ Фарсальской замѣнена была *пѣтическою* или *романическою Исторіею*; въ наше время, послѣ необкновенныхъ переворотовъ, потрясавшихъ Европу, заступилъ мѣсто Поэмы *Историческій* или *народный Романъ*. Содержаніе свое онъ заимствуетъ изъ Исторіи и преданій старины или изъ дѣйствительной гражданской жизни; а посему и достоинство его зависитъ преимущественно отъ хорошаго выбора

предметовъ и живаго изображенія оныхъ, предполагающаго въ авторѣ основательное знаніе той страны и вѣка, къ коему относится содержаніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ отличный даръ живописать мѣстности, характеры и народныя сцены.

§ 77. У насъ *Историческій Романъ* появился недавно. Первенство въ семъ родѣ живописи какъ по старшинству, такъ по важности содержанія, рисовкѣ и колориту, принадлежитъ двумъ картинамъ Загоскина: *Юрію Милославскому* и *Рославлеву*, представляющимъ двѣ занимательнѣйшія эпохи нашей Исторіи. Подлѣ нихъ могутъ быть поставлены *Стрѣльцы* Масальскаго и *Димитрій Самозванецъ* Булгарина. Сей послѣдній особенно занимателенъ при Польскомъ Посольствѣ въ Москвѣ, у Іезуитовъ во Львовѣ и въ нѣкоторыхъ сценахъ съ Поляками. *Послѣдній Новикъ* Лажечникова загроможденъ подробностями, скрывающими отъ читателя главные лица и ихъ дѣйствія; со всѣмъ тѣмъ характеры Кети, Пастора, Русскій лагерь, нѣкоторыя сцены съ раскольниками и въ Москвѣ, открываютъ въ Авторѣ талантъ, достойный Вальтера Скотта. Въ Русской были Г. Полеваго: *Клятва при гробѣ Господнемъ*, главною цѣлію было, какъ предваряетъ самъ Авторъ, представить Русь XV вѣка въ картинахъ. Избранное имъ время есть время сильныхъ характеровъ и рѣзкихъ случаевъ, коими ознаменованы послѣднія усилія Татаръ, Князей и Новгорода противъ возставшей надъ ними власти Москвы и новой системы Государственнаго устройства. Главныя лица въ сей драмѣ представлены согласно съ духомъ ихъ времени; по рѣчи, нравы и весь бытъ

средняго и низшаго класса людей списаны почти безъ всякихъ оттъиковъ съ Русскаго народа настоящаго времени, который, по привязанности своей къ обычаямъ предковъ, можетъ быть и дѣйствительно мало измѣнился въ продолженіе четырехъ вѣковъ. *Догъ купца Жолобова* и *Калгадалка*, *Калашникова*, занимательны, какъ ландшафты, представляющіе дикую, оригинальную природу Сибири съ рѣзкими характерами дѣйствующихъ въ ней лицъ. Въ *Киргисъ-Кайсакъ* Ушакова искусно развиты сліяніе гражданственности съ природою, столкновение случаевъ съ судьбою и борьба предразсудковъ и невѣжества съ просвѣщеніемъ. — Въ изображеніи характеровъ и нравовъ современныхъ у насъ также сдѣланы уже многіе опыты; но изъ нихъ особенное вниманіе заслужили только тѣ, которые писаны съ натуры. Напр. *Булгаринъ* превосходитъ съ своимъ сироткою въ домѣ Гологордовскихъ и въ корчмѣ у Жида; *Грегъ* (въ Поездкѣ въ Германію) занимателенъ въ домашнемъ Нѣмецкомъ быту на Васильевскомъ острову. *Погорѣльскій* прелестенъ съ своею милою Монастыркою въ Малороссіи. Авторъ *семейства Холмскихъ*, можно сказать, неподражаемъ въ кругу нашихъ провинціальныхъ Дворянъ. Въ сей небольшой рамѣ представлена имъ обширная и живая картина ихъ нравовъ, образа жизни, предразсудковъ, степени просвѣщенія, хорошей и худой нравственной стороны.

§ 78. *Романъ*, по существу своему и по правиламъ сочиненія, сходствуетъ съ Героическою Поэмою; но не имѣя ни объема, ни важности Эпопеи, онъ представляетъ нравственную жизнь

одного лишь какого-либо героя или лица и съ одной точки зрѣнія. *Повѣсть* есть одинъ только эпизодъ Романа, одинъ разительный или любопытный случай изъ жизни нравственной; а *сказка* есть повѣствованіе, на народныхъ разсказахъ и несбыточныхъ чудесностяхъ основанное. Происхожденіе нашей Повѣсти есть одинакое съ происхожденіемъ Романа. Какъ сему послѣднему предшествовала важная эпическая Поэма, такъ и Повѣсть явилась у насъ сперва подъ одеждою героическою. Въ семъ тонѣ написаны извѣстные повѣствовательныя творенія Хераскова: *Кадмъ* и *Гармонія*, *Полидоръ* и *Нума Помпиль*. Карамзинъ первый осмѣлился перенести сцену изъ идеальнаго міра въ дѣйствительный, въ свое отечество, и вывести на оную лица Русскія. Его *Наталья Боярская догъ*, *Блѣдная Лиза* и *Марѳа Посадница*, не смотря на то, что мыслятъ и чувствуютъ умомъ и сердцемъ Сочинителя, плѣняютъ самою оригинальностію своего содержанія, нѣжностію чувствованій и живымъ, легкимъ способомъ выраженія; въ особенности послѣдняя, одушевленная высокими мечтами и сильнымъ краснорѣчіемъ, останется на всегда украшеніемъ повѣствовательнаго рода нашей Словесности. *Марина Роща* Жуковского носить на себѣ черты древняго Германскаго рыцарства или вассальства; но она занимательна, какъ ландшафтъ, раскрывающій предъ нами дикія окрестности Москвы до ея основанія. Повѣсти *Беницкаго*, *Пакаева* и *Наръжнаго*, равно какъ и Романы его, также заслуживаютъ вниманіе. Изъ современныхъ намъ народныхъ повѣстей пользуются особенною извѣстностію *Ивана Пет-*

ровиза *Бѣлкина* (А. С. Пушкина), *Погодина*, *Барона Розена*, *Вегера на хуторѣ близъ диканьки*, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Но всѣхъ ихъ превзошелъ Авторъ извѣстный подъ именемъ *Марлинскаго*, — искусный живописецъ характеровъ, страстей, движеній, оригинальный въ вымыслахъ, живой и легкій въ разсказѣ. Его *Аммалатъ Бекъ* есть твореніе, носящее на себѣ печать высокаго таланта въ семъ родѣ сочиненій. Повѣсти: *Блаженство отъ безумія* и *Живописецъ* (помѣщенные въ Телеграфъ 1833 года), *Двойникъ* и *Черная Курица* А. Погорѣльскаго (вымышленное имя) и *Пестрыя сказки* Иренея Гомозейки (также вымышленное имя) достойны примѣчанія, какъ новыя психическія явленія въ Русской Литературѣ. Въ первыхъ Авторъ хотѣлъ олицетворить пылкую, изступленную любовь, съ искусствомъ развивая сокровеннѣйшіе ея изгибы и движенія; но употребленныя имъ краски слишкомъ ярки и неестественны для характеровъ Русскихъ, почти совсѣмъ неспособныхъ къ изступленнымъ чувствованіямъ и дѣйствіямъ. Последнія (*Двойникъ*, *Черная Курица* и *Пестрыя Сказки*) суть не что иное, какъ литературныя фантазіи, увлекающія нерѣдко своихъ Поэтовъ за предѣлы пѣтической вѣроятности; а по сему, не смотря на ихъ ученость, на оригинальность мыслей и на чистый, легкій способъ выраженія, онѣ не могутъ вполнѣ быть разгаданы нашею читающею публикою, требующею, такъ сказать, математической точности въ самой игрѣ воображенія.

В. П О Э З І Я.

Г Л А В А VI.

О характеръ Русской народной Поэзіи.

§ 79. Искусственной нашей Поэзіи, какъ и всякой другой, предшествовала естественная или *народная*, заключающаяся въ простомъ изліяніи сердца, потрясеннаго пріятными или непріятными впечатлѣніями. Поэты сего рода руководствуются однимъ вдохновеніемъ. Врожденная склонность къ пѣнію учить измѣнять голосъ, а склонность къ ладу приводитъ въ мѣру слова.

§ 80. Симъ благодатнымъ даромъ природы Славяне издревле отличались между всѣми народами. Свидѣтельствуютъ о томъ приписываемое имъ Византійскими Историками особенное пристрастіе къ игрѣ на гусяхъ и показанное нами выше единство духа, господствующее доселѣ въ стихотвореніяхъ Славянскихъ племенъ. Упоминаемый въ Чехской повѣсти *Забоя* и *Славоя* пѣвецъ *Люмиръ*, и слѣдующее изрѣченіе: *пѣвца добраго милуютъ Боги* (*Pieuse dobra miluiu bozi*), также удостовѣряютъ насъ не только о бытіи нѣкогда славныхъ гусяровъ или пѣснопѣвцевъ, но и объ отличномъ уваженіи народа къ ихъ сану и назначенію. Главнымъ назначеніемъ ихъ было, какъ можно заключить изъ содержанія помянутой повѣсти, — воспѣвая отечественныя дѣянія, возбуждать духъ мужества и управлять общимъ мнѣніемъ соплеменниковъ.

§ 81. Наша Ироическая Пѣснь о походѣ Игоря на Половцевъ хотя есть единственное въ своемъ родѣ произведеніе; однако нѣтъ сомнѣнія, что сочинитель ся имѣлъ передъ собою другіе древнѣйшіе образцы: ибо онъ самъ нѣсколько разъ съ почтеніемъ упоминаетъ о пѣвцѣ Боянѣ, называя его соловьемъ древнихъ временъ. Въ Волынской лѣтописи подъ 1241 годомъ также приводятся слова словутнаго пѣвца *Митуса*; въ сказаніи о Задонской битвѣ призывается, для одушевленія предмета, пѣвецъ *Уранъ*. Г. Полевой причисляетъ къ нимъ упоминаемаго въ Словѣ о полку Игоревомъ *Коганя*, пѣснотворца стараго времени *Ярослава Ольгова* *). Сими именами объясняется происхожденіе красотъ и многихъ неподражаемыхъ прелестей нашей народной Поэзіи.

§ 82. Русскую народную Поэзію можно раздѣлить на *лирическую* и *повѣствовательную*. Общія качества той и другой, отчасти уже замѣченныя нами выше въ словѣ о полку Игоря на Половцевъ, суть слѣдующія:

1) Присвоеніе лицамъ и вещамъ постоянныхъ и опредѣленныхъ эпитетовъ и присловій, напр. *Красное солнышко Владиміръ*; *бѣлый царь*; *надежа Государь*. Сіи эпитеты, однажды данные предметамъ, повторяются всякой разъ вмѣстѣ съ сими послѣдними, подобно какъ у Гомера каждому божееству и герою присвоены особыя прозванія, изображающія ихъ характеръ или внѣшнія качества.

---

*) См. Томъ II-й Исторіи Русскаго народа, Г. Полеваго. По его мнѣнію, Боянъ жилъ во времена славнаго Олега Черниговскаго, а Коганъ при Ярославѣ.

2) Сочетаніе существительныхъ именъ разнородныхъ, напр. *царь-дѣвица*, *жарѣ-птица*, *злодѣй-тоска*.

3) Сравненія выражаемыя творительнымъ падежемъ, напр. »бѣжить сѣрымъ волкомъ;« »полети сизымъ голубчикомъ.«

4) Имена птицъ очень часто употребляются въ томъ же смыслѣ, какой онѣ имѣютъ у Баснописцевъ, т. е. для означенія какого либо внутренняго качества; ибо птицы, подобно звѣрямъ, отличаются опредѣленностію характера.

5) Сравненіе или сближеніе предметовъ отдаленныхъ, по видимому не имѣющихъ никакого между собою отношенія, напр. »на небѣ солнце, въ терему солнце; на небѣ мѣсяцъ, въ терему мѣсяцъ; на небѣ звѣзды, въ терему звѣзды и вся красота поднебесная;« или: »у насъ — солнце красное отъ лица Божьяго, ночи темныя отъ думъ Господнихъ.

6) Сравненія отрицательныя безъ поправленія, происходящія какъ бы отъ обмана или обольщенія чувственныхъ органовъ, которые съ перваго разу не могутъ ясно отличить одного предмета отъ другаго: »не ясенъ соколъ по поднебесью летаетъ; большой Бояринъ по полкамъ нашимъ гуляетъ.«

§ 83. Мѣра стиховъ нашей народной Поэзіи есть *тони́зская*, состоящая изъ повышеній и пониженій голоса и опредѣляемая удареніями. Таковыхъ удареній въ стихахъ встрѣчается по одному, по два и по три; стихи оканчиваются большею частію дактилями:

— — — — —
»Ахъ какъ палъ туманъ на сине море,

— — — — —
»А злodeй тоска въ ретиво сердце.«

§ 84. Къ Лирической Поэзіи относятся такъ называемыя *голосовыя* и *хороводныя* пѣсни. Какъ тѣ, такъ и другія должны быть столько же для насъ драгоцѣнны, сколько для Археолога древніе памятники. Ибо изъ пѣсней мы узнаемъ духъ своихъ предковъ, ихъ нравы, нужды и чувства.

§ 85. Пѣсни нашихъ предковъ Славянъ, по свидѣтельству Историковъ, были веселыя; но суровость климата, внутреннія неустройства и продолжительное иго Монголовъ измѣнили характеръ потомковъ. Какое-то уныніе и томность остались навсегда въ чертахъ ихъ лица, въ тонѣ разговора и въ напѣвѣ. Самое содержаніе ихъ пѣсенъ состоитъ большею частію въ рассказъ о печальныхъ приключеніяхъ.

§ 86. Голосовыя пѣсни можно раздѣлить на *лиро-эпическія* и собственно *лирическія*. Первыя имѣютъ, большею частію, опредѣленное расположеніе, состоящее изъ начала, сказа и заключенія. Онѣ начинаются сравненіями прямыми или отрицательными или обращеніемъ поющаго къ самому себѣ, къ отсутствующимъ лицамъ и къ неодушевленнымъ предметамъ. Рассказъ часто совсѣмъ отдѣляется отъ начала, въ родѣ лирическаго порыва. Въ заключеніи выражается сильная мысль или глубокое чувство.

§ 87. Лирическія пѣсни похожи иногда на Романсъ, иногда на Элегію. Трогательныя и нѣжныя чувствованія, заключающіяся въ семъ родѣ стихотвореній, служатъ доказательствомъ, что продолжительное испытаніе бѣдствій столько же споспѣшествуетъ къ смягченію нравовъ народа, сколько и самая образованность.

§ 88. Духовныя пѣсни, извѣстныя подѣ именемъ *Псалмъ*, также достойны особеннаго вниманія. Сей родъ стихотвореній, уцѣлѣвшій доселѣ между Духовенствомъ и Купечествомъ, замѣняетъ собою Гимны, Оды и Кантаты; ибо содержаніемъ его бываютъ или славословіе Спасителя, Пресвятой Дѣвы и Святыхъ Угодниковъ или молитвенное пѣснопѣніе или торжественная похвала Монархамъ. Характеръ двухъ первыхъ видовъ есть сильное чувство вѣры и набожности; отличительныя черты послѣдняго, преданность и благоговѣніе къ Престолу. Вообще въ Псалмахъ мало воображенія, но много чувства. Древнѣйшія изъ нихъ сочинены тоническимъ размѣромъ, какъ напр. *плачь Прекраснаго Іосифа на гробъ матери своей Рахили*; всѣ прочія, со времени Симеона Полоцкаго, писаны силлабами. Примѣры ихъ можно видѣть въ *духовныхъ и торжественныхъ Псалмахъ*, собранныхъ Московскимъ купцемъ Я. Добрынинымъ, 1799 года.

§ 89. Къ повѣствовательной Поэзіи относятся: 1) *Богатырскія повѣсти*, 2) *Стихи*. Подвиги Русскихъ витязей, какъ дѣйствительно существовавшихъ, такъ и вымышленныхъ, составляютъ содержаніе повѣстей. Смѣсь благороднаго и низкаго, смѣшнаго и уродливаго можно назвать главнымъ ихъ качествомъ. Но въ нихъ встрѣчаются описанія и вымыслы, дышущіе всею свѣжестію роскошнаго востока. Жаръ-птица, похищающая въ царскомъ саду съ серебряныхъ яблонь золотыя яблоки, — одушевленная свирѣль, сдѣланная изъ тростника, выросшаго на могилѣ убитой своими сестрами дѣвицы, и всякой разъ

при игрѣ повторяющая женскимъ голосомъ жалобу противъ убійць, — конь, пускающій дымъ изъ ушей и пламя изъ ноздрей: сіи вымыслы могутъ стоять наряду съ баснями объ Аргусѣ, Орфеевой лирѣ и Пегасѣ.

§ 90. Содержаніемъ такъ называемыхъ *Стиховъ* большею частію бываютъ притчи, заимствованныя изъ Священнаго Писанія, повѣсти о подвигахъ Святыхъ Отцевъ и вообще нравственные предметы. Сіи стихи обыкновенно поются слѣпыми нищими, которые въ южной Россіи между простымъ народомъ въ такомъ же почтеніи, какъ въ древней Греціи слѣпыя Рапсоды, истолкователи воли Боговъ и прорицатели будущаго. Въ стихотвореніяхъ сего рода также встрѣчаются слѣды роскошной Поэзіи Востока, напр. слѣдующее мѣсто въ стихѣ о голубиной книгѣ:

»У насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа,
 »Самаго Христа, Царя Небеснаго;
 »Солнце красное отъ лица Божьяго,
 »Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ,
 »Звѣзды частыя отъ ризъ Господнихъ,
 »Ночи темныя отъ думъ Господнихъ,
 »Вѣтры буйныя отъ Свята-Духа,
 »У насъ умъ — разумъ самаго Христа,
 »Самаго Христа, Царя Небеснаго;
 »Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ,
 »У насъ міръ — народъ отъ Адамія,
 »Кости крѣпкія отъ камени,
 »Тѣлеса наши отъ сырой земли,
 »Кровь — руда наша отъ черна моря.«

(См. размышленія о природѣ М. Максимовича. Москва 1833).

§ 91. *Хороводныя* пѣсни достопримѣчательны не столько по красотамъ Поэзіи, сколько по своему содержанію, имѣющему характеръ древности. Хотя собственное предназначеніе хороводовъ въ

продолженіи времени потеряно ; однако въ ихъ играхъ можно еще и нынѣ примѣтить слѣды праздниковъ Славянскихъ и даже Латинскихъ и Греческихъ. Напр. *Красная горка*, во время которой закликаютъ Весну, похожа на праздникъ Лады, прославляемой доселѣ въ Подоліи, и даже на праздникъ Флоры. *Семикъ* имѣетъ сходство съ Адонисовымъ праздникомъ, при окончаніи котораго Греки бросали въ море или въ рѣку вѣнки, цвѣты и древесныя листья. *Коледа* происходитъ отъ *calendae*, которыя съ большимъ торжествомъ были празднуемы въ Римѣ въ послѣднихъ числахъ Декабря. Въ Испаніи и Польшѣ около сего времени собирается съ мѣрянъ въ пользу Католическихъ Священниковъ, оброкъ натурою подъ именемъ календы. Къ хороводнымъ пѣснямъ относятся также святочные и свадебныя; первыя соединены съ гаданіями о будущемъ, а послѣднія отличаются трогательными чувствами и истинными красотами Поэзіи.

§ 92. Къ живымъ памятникамъ народнаго языка принадлежатъ также и *пословицы* или тѣ краткія и замысловатыя изрѣченія, коими выражаются опыты, наблюденія и господствующія мнѣнія народа о природѣ, нравственности и общественныхъ отношеніяхъ. По содержанію и сущности своей, пословицы не что иное суть, какъ основанія апологовъ и притчей или самыя апологи и притчи, но сокращенныя, прилагаемые вмѣсто доводовъ къ предшествующей рѣчи и слову, отъ чего онѣ получили и свое названіе. Форма ихъ въ Русскомъ языкѣ большею частію есть стихотворная, состоящая изъ рифмованнаго двустишія,

или прозаическая, излагаемая фигуральными оборотами, загадками и намеками. Въ нашъ языкъ въ разныя времена и по разнымъ случаямъ вкрадось множество пословицъ Восточныхъ, Греческихъ, Латинскихъ и другихъ иностранныхъ (см. *Русскіе въ своихъ пословицахъ*, соч. г. Снегирева); но собственно Русскія отличаются отъ прочихъ, кромѣ своей формы, особенною игрою ума и фантазіи, рѣзкимъ выраженіемъ климата, духа вѣры, правленія, нравовъ и обычаевъ, принадлежащихъ одному только Русскому или Славянскому народу и выраженіемъ самыхъ идіотизмовъ языка его. Часто сходство и общность пословицъ зависятъ отъ единства понятій о добрѣ и злѣ и вообще понятій о правѣ естественномъ, свойственныхъ всему человѣчеству; но въ такомъ случаѣ надлежитъ принимать въ разсужденіе самую исторію сравниваемыхъ народовъ, ихъ степень просвѣщенія, образъ жизни и занятія. Напр. приводимая Блаженнымъ Іеронимомъ о даровыхъ вещахъ пословица: *equi dentes inspicere donati*, буквально сходствуетъ съ слѣдующею Русскою: »даровому коню въ зубы не смотрятъ;« но если примемъ въ соображеніе, что Св. Іеронимъ былъ родомъ изъ Славянъ, издревле занимавшихся скотоводствомъ, а Римляне, исключая особый классъ всадниковъ *Equites*, какъ въ его время, такъ и прежде почти совсѣмъ не употребляли коней, то скорѣе можно будетъ согласиться, что не Русская пословица переведена съ Латинской, а напротивъ сія послѣдняя есть буквальный переводъ съ Славянской, сохранившейся доселѣ въ нашемъ народѣ.

ГЛАВА VII.

О разныхъ теоріяхъ Русскаго Стихосложенія и Поэзіи.

§ 93. Между тѣмъ какъ простой народъ, слѣдуя внушеніямъ природы, слагалъ свои пѣсни по тонамъ или удареніямъ, ученые Бѣлоруссы и Малороссіяне, не вникая въ свойства языка Русскаго, покушались Русской стихъ сковать въ узы размѣра совершенно ему чуждаго. *Мелетій Смотрицкій* хотѣлъ ввести въ Славянскій (а слѣдовательно и Русскій) языкъ Греческую долготу, краткость и двувременность гласныхъ по *естеству и положенію*. Сіе нововведеніе не могло имѣть успѣха; ибо не трудно было замѣтить, что, соображаясь съ просодіею Смотрицкаго, надобно было произносить противъ ударенія. Но мѣстопробываніе тогдашнихъ ученыхъ въ Польшу и подвластныхъ ей областяхъ, гдѣ языкъ Польской, по праву завоеванія, начиналъ уже быть господствующимъ, принудило ихъ принять стихосложеніе Польское *силлабическое*.

§ 94. Въ сей формѣ были стихи о 13, 11, 9-ти слогахъ и менѣе. Первые два раздѣлялись на полустишія пресѣченіемъ, которое впрочемъ требовало только окончанія слова, а не ударенія; девятисложный и другіе кратчайшіе не имѣли пресѣченія. Они всегда писались съ риомами и почти исключительно одними женскими; переносъ недокончаннаго смысла изъ одного стиха въ другой также былъ свободенъ, какъ и у древнихъ.

§ 95. Первые сего рода стихи появились при *Скорининомъ* переводѣ книги *Іова*, напечатан-

номъ въ 1517 году, потомъ при Библии Острожской 1581 года. Сочинитель сихъ послѣднихъ, *Герасимъ Даниловичъ*, говоритъ о себѣ въ предисловіи, что онъ *узилища николи же видѣхъ, но понеже людѣе молзатъ, каменіе вопити понудися*. Стихотвореніе, въ началѣ предисловія помѣщенное, раздѣлено на пять строфъ, изъ коихъ въ каждой по десяти стиховъ (послѣ первыхъ двухъ строфъ гербъ Московскій и гербъ Князя Острожскаго: воинъ на конѣ съ поднятымъ мечемъ). Стихи помѣщенные въ концѣ предисловія, состоятъ изъ 13, 14, 15 и 16-ти слоговъ, напр.

Тако бо благословися отъ Бога православный родъ.

Въсточныя церкви яко днєви начало

И дѣствы богоподобными изрядно сіяло.

Западныя же Церкви яко начало ночи,

И поразумѣли древо по его овощи.

(Изъ Библии, хранящейся въ Парижской Королевской Библіотекѣ No 235).

§ 96. *Петръ Могила* много писалъ стиховъ симъ размѣромъ; *Силеонъ Полоцкій* познакомилъ съ оными и Великороссіянъ, издавъ въ 1678 году свой *риѳмологіонъ*. Въ послѣдствіи времени сіе стихосложеніе употребляемо было всѣми нашими учеными, не исключая и самаго *Кантемира*, коего прекрасныя классическія сатиры достойны были лучшей гармоніи стиха. *Тредьяковский* первый возсталъ противъ размѣра силлабическаго. Въ способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ, изданномъ имъ въ 1735 году, онъ именно замѣчаетъ, что »опредѣленное число слоговъ въ старыхъ не нашихъ, но Польскихъ, а къ намъ введенныхъ безъ всякаго основанія стихахъ, не отмѣняетъ ихъ отъ Прозы; ибо члены такъ назы-

ваемаго *ісоколона* риторическаго также почитай опредѣленными числами подають; однако сіи члены не стихи.» Онъ первый предпринялъ ввести въ наши стихи слѣдующіе стопы: *ямбъ*, *хорей*, *дактиль* и *анapestъ*. Ломоносовъ въ письмѣ о правилахъ Россійскаго стихотворства тоже самое подтвердилъ; но какъ ни онъ, ни Сумароковъ не употребляли дактилей и анапестовъ, то наши Стихотворцы и не обращали вниманія на сіи стопы, пока опыты Гг. Гнѣдича и Мерзлякова не дали имъ новой цѣны и важности.

§ 97. Тредьяковскій не имѣлъ дарованій, чтобъ подтвердить собственными сочиненіями справедливость своихъ умозрѣній; но его умозрѣнія всегда основаны на знаніи свойствъ отечественнаго языка и на глубокой учености. Въ помянутомъ способѣ къ сложенію Россійскихъ стиховъ онъ полагаетъ слѣдующее различіе между нашимъ и Греческимъ стихосложеніемъ: наше состоитъ въ количествѣ складовъ и есть тоническое, т. е. возвышающее и понижающее голосъ выговора, а Греческое и Римское заключается въ количествѣ слоговъ, которое при удареніяхъ и тонахъ размѣряется еще и временемъ; первое возвышаетъ и понижаетъ слоги, послѣднее протягаетъ и сокращаетъ оныя. Тредьяковскій кромѣ экзаметровъ дактило-хореическихъ и анапесто-ямбическихъ, хотѣлъ еще ввести хореическій женскій съ пресѣченіемъ послѣ трехъ первыхъ хореевъ и мужескій, оканчивающійся долгимъ слогомъ. Поэзію раздѣляетъ онъ не по родамъ стихотвореній, но по ихъ видамъ; такъ что прощаніе отъѣзжающихъ съ остающимися, провожающихъ съ отъѣз-

жающими и возвращеніе сихъ послѣднихъ, составляетъ три особые рода Поэзіи: *апобатеригескій, пропемпигескій и синхористигескій*.

§ 98. Способъ Тредьяковскаго служилъ руководствомъ Іеромонаху Аполлосу къ сочиненію *Піитигескихъ правилъ*, изданныхъ имъ въ первый разъ въ 1774 году. Въ нихъ также предложены экзаметры и пентаметры хореическіе съ ихъ пресѣченіями (саесига). Примѣры заимствованы большею частію изъ стихотвореній Тредьяковскаго и Сумарокова; тоническій размѣръ старинной пѣсни »у дороднаго добраго молодца« названъ четырехрестопнымъ дактило-хореическимъ; стихи Сумарокова »подъ вирь, вирь, донъ, донъ, донъ, прочти службы вздоръ« и его же: »вижу будущіе вѣки,« первые безъ оговорки, а послѣдніе съ оговоркою, приняты за диопирамбъ. Поэзія раздѣлена въ сей Піитикѣ на три рода: на повѣствовательную, драматическую и смѣшанную; но о мелкихъ стихотвореніяхъ, и между прочимъ о кенотафій, символѣ, гіероглификѣ, емблемѣ и загадкѣ говорится въ ней подробно, а о большихъ мимоходомъ. Поэзія *апологетигеская* (апологи) названа только по имени и, по мнѣнію Автора, вмѣстѣ съ *сатиригескою* (привѣтствіе съ освобожденіемъ отъ тяжелой болѣзни), *пропемпигескою* и подобными можетъ быть отнесена къ прежде положеннымъ, какъ-то: *элегіигеской, лиригеской, комигеской* и пр. О сей книгѣ упоминается здѣсь потому, что ею еще и въ наше время многіе руководствуются, при преподаваніи правилъ Поэзіи (въ 1826 году она напечатана 10-мъ изданіемъ).

§ 99. Въ такомъ состояніи находилась Наука о Россійскомъ Стихотворствѣ, когда издана была Россійскою Академіею *Піитика Г. Рижскаго*. Ибо до изданія сей послѣдней въ 1811 году, всѣ вообще наши руководства къ сему искусству ограничивались только или истолкованіемъ стопосложенія или весьма краткимъ опредѣленіемъ разныхъ родовъ Поэзіи или изложеніемъ однихъ общихъ понятій о Поэзіи, разбросанныхъ какъ бы безъ цѣли и плана. Г. Рижскій начинаетъ свою теорію объясненіемъ существенныхъ качествъ Стихотворства и отличіемъ онаго отъ Витійства. Ораторъ, по его мнѣнію, изображаетъ одни лишь дѣйствительныя изящества; и возбуждаемая имъ восхищенія и волненія души суть впечатлѣнія почти того же рода, какія производятъ въ насъ самыя предметы; Поэтъ, обозрѣвая свой предметъ, останавливается только на томъ, что въ немъ есть изящное, и не довольствуясь сею частною изящностію, раздѣляется своимъ воображеніемъ по всей вещественной и нравственной природѣ, по всѣмъ историческимъ и баснотворнымъ преданіямъ, дабы изъ всего онаго собрать лучшее и плѣнительнѣйшее, и изъ всѣхъ собранныхъ такимъ образомъ сокровищъ помѣститъ тѣ, которыя болѣе соотвѣтствуютъ его цѣли, въ главномъ своемъ предметѣ. И такъ сущность Стихотворства, по опредѣленію нашего Автора, состоитъ въ живомъ изображеніи измѣренною рѣчью, вымышленной самимъ Стихотворцемъ по образу дѣйствительнаго изящества, изящнѣйшей въ его мнѣніи природы. Сія мысль не новая; она ведетъ свое начало отъ идей Платоновыхъ; принята была въ

основаніе искусствъ Аристотелемъ и подробно раскрыта въ начальныхъ правилахъ Словесности Аббата Баттё; но Г. Рижскій имѣетъ свой взглядъ проницательный, вѣрный и ему особенно принадлежащій. Съ сей точки зрѣнія онъ смотритъ на всѣ роды стихотвореній, которые изложены имъ ясно, просто и основательно.

§ 100. *Шитика Г. Мерзлякова*, помѣщенная въ его Краткомъ начертаніи теоріи Словесности, имѣетъ всѣ достоинства учебной книги. Начала ея просты, планъ ясенъ, роды стихотвореній предложены въ систематическомъ порядкѣ; въ каждомъ родѣ опредѣляются его сущность, основа, цѣль, происхожденіе и краткая исторія или исчисленіе всѣхъ отличившихся въ ономъ Стихотворцевъ. Сія теорія Словесности издана въ первой разъ только въ 1822 году; но ученые труды ея Автора уже давно увѣнчаны общею признательностію. Его лекціи и разсужденія о Поэтахъ и предметахъ Поэзіи, напечатанныя въ Вѣстникѣ Европы, въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности, въ Амфіонѣ и многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ, озаривъ свѣтомъ критики наше литературное поприще, имѣли сильное вліяніе на образованіе вкуса новаго поколѣнія нашихъ Литераторовъ. Профессору С. Петербургскаго Университета *Н. И. Бутырскому*, пріобрѣтшему особенную извѣстность своимъ даромъ преподаванія Словесности, также принадлежитъ честь образованія многихъ юныхъ талантовъ, коимъ онъ умѣлъ дать направленіе, сообразное съ ихъ силами и склонностями.

ГЛАВА VIII.

О характеристикъ Русскихъ Поэтовъ и о настоящемъ состояніи Поэзіи въ Россіи.

§ 101. Творцемъ Русской классической Поэзіи по справедливости почитается *Ломоносовъ*. Сей великій геній, подобно денницѣ возсіявшій на горизонтъ нашей Словесности, пробудивъ юную Поэзію вновь встающаго народа и давъ ей новыя формы и мѣру стиховъ, испыталъ свои силы въ родѣ лирическомъ, дидактическомъ, въ Эпосѣ и Драмѣ. Лирическая Поэзія до него заключалась въ однѣхъ народныхъ пѣсняхъ и нѣкоторыхъ духовныхъ Псалмахъ, писанныхъ силлабами, Симеона Полоцкаго и Св. Димитрія Ростовскаго. Ломоносовъ первый дерзнулъ сію дочь природы отъ полей и селъ возвысить до подножія Трона Русскихъ Царей и съ другой стороны, низвести ее отъ хоровъ Храма до торжищъ и хижинъ, гдѣ его Псалмы доселѣ поются гражданами и поселянами; — доказательство сильное того высокаго искусства, коимъ онъ обладалъ въ измѣненіи тоновъ своей лиры и въ приличномъ сочетаніи реченій Славянскихъ съ Русскими. Въ торжественныхъ Одахъ Ломоносова, всегда ровныхъ и слѣдующихъ плану рѣчи или разсужденія, обнаруживается вліяніе строгаго методическаго его ученія и того царствованія, въ которое онъ жилъ, — мирнаго, кроткаго и не представлявшаго никакихъ порывовъ для воображенія. Полетъ его генія стѣсненъ былъ самымъ однообразіемъ тор-

жествъ, на которыя писалъ онъ Оды; не смотря на сіе однообразіе, его живое воображеніе находило средства представлять одни и тѣ же предметы въ разныхъ видахъ и выражать оныя съ одинакою высотой, силою и стремительностію чувствъ, и одинакимъ языкомъ, высокимъ, благозвучнымъ, великолѣпнымъ.

§ 102. Вѣкъ Екатерины Великой по многимъ отношеніямъ можно назвать *героическимъ*. Ея вожди были вихри-богатыри, Ея витіи — Платоны, Ея пѣвецъ — новый Боянъ или Бардъ, коего волшебные звуки, растекаясь по землѣ и по небесамъ, сливались съ пѣніемъ соловья и съ громами. Высокій геній *Державина*, въ минуты восторженныхъ видѣній, зрѣлъ славу Творца, созерцалъ Богоподобную Фелицу во всѣхъ ея преобразеніяхъ и обнималъ всю Природу, до безконечности разнообразную, во всѣхъ ея ужасахъ, великолѣпнѣй, прелестяхъ и безпечности. Ломоносова называютъ Пиндаромъ; Державину нѣтъ другаго имени, какъ не было для него другаго образца, кромѣ Природы. Онъ вмѣщаетъ въ своей поэзіи Алцея, Анакреона и Горація, но отличаясь отъ каждаго изъ нихъ рѣзкими чертами, ему одному свойственными. Господствующія силы его генія суть стремительность чувствъ и неистощимое богатство воображенія; въ Гимнахъ и преложеніяхъ Псалмовъ нерѣдко чувство его возвышалось до Ангельскаго восхищенія; въ Одахъ героическихъ равно какъ и философскихъ, онъ почти вездѣ является роскошнымъ богачемъ, щедро разсыпающимъ украшенія, — Поэтомъ — живописцемъ, коего яркія краски дышатъ всею свѣ-

жестію Востока. Въ самыхъ Анакреонтическихъ Одахъ—его нѣга есть нѣга Сатрана, возлежащаго на розахъ и пресыщающаго взоръ свой золотомъ и бриліантами. Державинъ пользовался высокимъ счастіемъ имѣть доступъ въ *Эрмитажъ*, гдѣ Великая Екатерина, скрывая свое величіе, любила въ часы царственного досуга бесѣдовать въ избранномъ Ею обществѣ о пользахъ и удовольствіяхъ общежитія. Тамъ Поэтъ, изучая людей, вмѣстѣ съ тѣмъ научился искусству хвалить добродѣтель и порицать пороки. Сіе искусство, вмѣстѣ съ любовію его къ правдѣ, съ твердою рѣшительностію, съ благороднымъ самочувствіемъ и особымъ сатирическимъ взглядомъ на предрассудки и злоупотребленія, отразилось во всѣхъ его нравственныхъ Одахъ. Онъ возстаетъ въ нихъ противъ роскоши, гордости и силы, иногда открыто, иногда въ плѣняющей аллегоріи или въ однихъ краткихъ намекахъ. Отсюда произошла во многихъ мѣстахъ темнота его слога, какъ слога Суворова и вообще мужей Государственныхъ, имѣющихъ обширнѣйшій кругъ дѣйствія въ обществѣ. Живописцу—Поэту, для выраженія разнообразныхъ переливовъ его чувства и тончайшихъ движеній воображенія, часто недоставало въ языкѣ красокъ и тѣней; онъ изобрѣлъ для замѣны ихъ слова новыя, ввелъ въ употребленіе устарѣлыя и сложныя, облагородствовалъ низкія; онъ позволялъ себѣ перестановки и обороты самыя смѣлыя; и сія новизна, давая особую оригинальность его слову, остается доселѣ недвижимою и какъ бы неприкосновенною его собственностію.

§ 103. Лирика *Петрова* называютъ Стихотворцемъ-Философомъ. Слогъ его шероховатъ и грубъ; но полнота мыслей сильныхъ и краткихъ, отличающихъ его Оды отъ всѣхъ прочихъ, и особенное искусство хвалить воспѣваемыхъ имъ героевъ, даютъ ему право занимать почетное мѣсто между нашими Лириками, ближайшее къ Ломоносову и Державину.

§ 104. Ломоносова и Державина можно назвать двумя неподвижными звѣздами на горизонтѣ нашей Лирической Поэзіи; они вовлекли въ свои сферы все поколѣніе Стихотворцевъ своего времени, заставивъ ихъ обращаться вокругъ себя и проливая на нихъ свое сіяніе. Справедливость требуетъ отличить здѣсь только тѣ лирическія творенія, которыя согрѣты собственною теплотою творцевъ ихъ, — даромъ не заимствуемымъ, но получаемымъ отъ одной лишь Природы. Къ числу ихъ принадлежатъ заунывные *Оды Канниста*. Тихая и кроткая, но глубокая меланхолія положила на нихъ печать свою. *Бытіе сердца Князя Долгорукаго* достопримѣчательно въ особенности по простонародному тону, дающему его Одамъ и Посланіямъ характеръ Русскаго простодушія. *Пѣсни Нелединскаго-Мелецкаго* дышатъ нѣжностію, непритворною и непринужденною. *И. И. Дмитріевъ* въ своемъ очаровательномъ *Ермакъ и Освобожденной Москвѣ*, первый представилъ образцы Лиро-эпической Поэзіи. Въ лицѣ его генія, какъ увидимъ ниже, была Басня или апологъ; но мы не можемъ умолчать здѣсь и о его Сказкахъ, Идилліяхъ, Сатирахъ, Эпиграммахъ, Пѣсняхъ и другихъ мелкихъ стихотвореніяхъ, издан-

ныхъ имъ подъ именемъ *Бездѣлокъ*. Не смотря на сіе скромное названіе, онъ пріобрѣлъ ими полное право на почетное титуло образователя легкой нашей Поэзіи, какъ Карамзину принадлежить честь образованія легкой Прозы.

§ 105. *А. О. Мерзляковъ* обладалъ завиднымъ даромъ преподавать законы вкуса и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать ихъ изящными образцами. Къ симъ послѣднимъ можно отнести прекрасные его переводы Идиллій Теокрита, Біона, Мосха и Де-зульеръ, Эклогъ Virgilія, Одъ Горация и его Науки о Стихотворствѣ. Въ преложеніяхъ Гимновъ Священнаго Писанія онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Слогъ его собственныхъ лирическихъ стихотвореній, равно какъ и переводовъ, иногда легокъ, плавенъ и очарователенъ, иногда кратокъ, сжатъ и мужественъ. Онъ открылъ новый и драгоцѣнный родникъ для Русской Поэзіи: наши *народныя пѣсни*. Въ семъ родѣ стихотвореній онъ постигъ истинный духъ Русскаго народа, глубину его чувствъ и всѣ обороты, составляющіе особый способъ его выраженія. Сіи качества доставили пѣснямъ нашего Поэта характеръ и тонъ народности; онѣ поются во всѣхъ краяхъ Россіи. *А. О. Воейковъ* преимущественно занимался переводами Virgilія и Делия, но особенную извѣстность онъ пріобрѣлъ въ нашей Литературѣ своими Посланіями и Сатирами; нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ могутъ служить образцами. *Князь Вяземскій* отличился Посланіями, сатирическими стихотвореніями и пѣснями. Умъ острый и игривый составляетъ главную черту его характера, которая отражается даже и въ ли-

рическихъ его произведеніяхъ. Изъ прочихъ нашихъ Стихотворцевъ извѣстность пріобрѣли Баронъ *Дельвингъ* своими пѣснями, *Д. Давыдовъ* Элегіями и пѣснями, *Милоновъ* Сатирами, *Ивановъ* Идилліями. Извѣстная пѣсня *ожиданіе Царя*, Элегія на смерть А. П. Строгонова, Гимнъ на возшествіе на Престолъ Императора Николая I, и нѣсколько другихъ стихотвореній, написанныхъ при счастливомъ вдохновеніи, пріобрѣли г. *Добанову* также почетное мѣсто между нашими лирическими Поэтами. Сверхъ сего и прекрасный полъ имѣлъ на Русскомъ Парнассѣ своихъ представительницъ въ лицѣ *Буниной*, *Болотниковой*, *Волковой*, *Наумовой*, дѣвицы *Кульманъ* и Княжны *Е. Шаховской*.

§ 106. Ветхій и Новый Завѣтъ, служившіе обильнымъ и неизчерпаемымъ источникомъ вдохновенія почти для всѣхъ искусствъ и художествъ, большею частію оставались неприкосновенными для одной только, такъ называемой, Поэзіи классической. Сіе равнодушіе по видимому происходило отъ образа воспитанія, имѣвшаго главною цѣлію изученіе древнихъ и новыхъ Классиковъ, иногда можетъ быть и отъ уваженія къ святынямъ Религіи, которую Поэты боялись измѣнить какимъ-либо вымысломъ, или лучше отъ ложнаго понятія о началахъ Поэзіи, по коимъ имъ вѣнялось въ обязанность украшать всѣ воспѣваемые ими предметы мечтами своего воображенія. У насъ *духовною Поэзіею* преимущественно занимались Кн. *С. Шихматовъ*, С. и О. *Глинки*, Кн. *П. Ширинскій-Шихматовъ*, Графъ *Г. Салтыковъ*, *Шатровъ*, Гр. *Хвостовъ* и Священникъ *Г. Пакатскій*.

Духовныя ихъ Стихотворенія можно сравнить съ лептами упоминаемой въ Св. Евангеліи вдовицы; онѣ неблестятъ слогомъ и не увлекаютъ звономъ выраженій, но онѣ изливаются прямо изъ сердца, проникнутаго глубокимъ чувствомъ вѣры и нравственности Христіанской. Къ сему же роду принадлежатъ превосходныя стихотворенія: *Боговдохновенная Поэзія А. И. Писарева и Голгофа С. Д. Негаева* (въ XIX книгѣ Трудовъ Общ. Люб. Росс. Словесности).

§ 107. *Хемницеръ, Дмитріевъ и Крыловъ* составляютъ тріумвиратъ нашего аполога. Естественность, добросердечіе и милое простодушіе остались неотъемлемымъ удѣломъ *Хемницера*. Самою чистотою и легкостію слога онъ опередилъ свой вѣкъ и уже принадлежалъ потомству. *Дмитріевъ* въ изяществѣ вкуса соперничествуетъ съ *Лафонтенемъ*. »Сумароковъ, по словамъ Мерзлякова, нашелъ Басни среди простаго, низкаго народа, *Хемницеръ* привелъ ихъ въ городъ, *Дмитріевъ* отворилъ имъ двери въ просвѣщенные, образованныя общества, отличающіяся вкусомъ и языкомъ.« *Крыловъ* распространилъ сферу сего рода Поэзіи; онъ изображаетъ не однѣ нравственныя истины, но самыя странности и причуды; и какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ всегда отличается острою и колкостію. Игра Русскаго ума и народность, въ которую онъ облакаетъ дѣйствующія лица своего театра, пріобрѣли ему пальму первенства между нашими Баснописцами. Языкъ его чистъ, простъ и перенятъ у Русскаго народа. Въ числѣ его Басенъ только 8-я часть переводныхъ, всѣ прочія изобрѣтенія его генія. Аполо-

гомъ съ успѣхомъ также занимались *А. Е. Измайловъ*, *В. Л. Пушкинъ* и нѣкоторые другіе; первый, подобно живописцамъ Голландской школы, преимущественно изображалъ людей низкаго класса со всѣми ихъ пороками и странностями.

§ 108. Русская драма, какъ и Французская въ своемъ младенчествѣ, началась представленіями священныхъ предметовъ сперва въ Кіевской и Московской Духовныхъ Академіяхъ, а потомъ при Дворѣ Царя *Феодора Алексѣевича* и Царевны *Софіи Алексѣевны*. Сія предприимчивая, хитрая и, къ сожалѣнію, необыкновенная по уму и свойствамъ души своей женщина, сама писала драматическія сочиненія и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Въ послѣдствіи времени священная драма перенесена была изъ Кіева и Москвы во многія Епархіальныя Семинаріи, гдѣ и держалась она до начала нынѣшняго столѣтія въ видѣ духовнаго драматическаго діалога, или историческаго, имѣвшаго своимъ предметомъ событія современныя, или даже и въ видѣ драматической Сатиры, въ коей осмѣивались предразсудки простаго народа, старообрядцевъ, раскольниковъ и пр. Желательно, чтобы кто-либо изъ духовныхъ Филологовъ занялся отысканіемъ и изданіемъ въ свѣтъ сихъ любопытныхъ памятниковъ; они составили бы новый и можетъ быть драгоцѣнный источникъ для Исторіи нашей Литературы.

§ 109. *Сумароковъ* первый началъ помышлять о распространеніи драматическаго искусства въ Россіи. Онъ сотворилъ на Русскомъ Театрѣ дѣйствіе, планъ, катастрофы. Нѣкоторыя изъ его Трагедій

отличаются быстротою дѣйствія, интересомъ и характерами истинно трагическими, но онѣ упали на всегда по причинѣ устарѣлаго языка и неблагороднаго, непристойнаго разговора, который часто бываетъ ниже комическаго. Преемникомъ Сумарокова въ искусствѣ драматическомъ былъ *Княжнинъ*. Слогъ его чище, благороднѣе и возвышеннѣе, нежели Сумарокова, но онѣ не имѣетъ ни оригинальности въ изображеніи характеровъ, ни искусства въ расположеніи дѣйствія, кои отличаютъ послѣдняго. Княжнинъ заимствовалъ цѣлыя сцѣны изъ Французскихъ Трагедій и желая быть высокимъ, нерѣдко въ одну сцену собиралъ всѣ разсѣянные въ разныхъ Трагедіяхъ высокія изреченія.

§ 110. Въ такомъ положеніи засталъ драматическое наше искусство знаменитый преобразователь онаго, *Озеровъ*. Онѣ первый постигъ тайну играть страстями, повелѣвать сердцу и увлекать чувства своихъ зрителей. Подобно всѣмъ современнымъ ему Поэтамъ, платя дань Французской школѣ, Озеровъ увлекался ея духомъ во всѣхъ своихъ Трагедіяхъ, не исключая и *Дмитрія Донскаго*, почитаемаго однимъ изъ священнѣйшихъ лицъ нашей Исторіи и представленнаго имъ въ видѣ рыцаря, равно увлекаемаго вѣрою, честію и любовію. Со всѣмъ тѣмъ его Трагедіи долго, а можетъ быть и навсегда удержатся на сценѣ искусствомъ изображенія движеній, живописнымъ положеніемъ лицъ и силою языка, не всегда правильнаго, но благороднаго, важнаго, благозвучнаго. Изъ прочихъ нашихъ трагиковъ примѣчательнѣйшій есть *Крюковский*, къ сожалѣнію

преждевременно похищенный смертію отъ Русской Мельцомены. Его Трагедія *Пожарскій* недалеко можетъ быть поставлена отъ *Димитрія Донскаго*.

§ 111. Между Русскими комиками первенство принадлежитъ *Фонъ-Визину*. Его *Недоросль* и *Бригадиръ* представляютъ живую и рѣзкую картину современныхъ имъ нравовъ и характеровъ. Ихъ вліянію приписываютъ отчасти самую перемѣну въ образъ воспитанія и жизни нашихъ сельскихъ *Дворянъ*. Трагикъ *Княжнинъ* былъ болѣе оригиналенъ и болѣе счастливъ въ своихъ *Комедіяхъ*, нежели въ *Трагедіяхъ*. Его *Чудаки* и *Хвастунъ* доселѣ держатся на нашей сценѣ. *Аблесимовъ*, вдохновенный изобрѣтатель Русскаго *Водевила* *Мельникъ*, — *Малиновскій*, сочинитель *Старинныхъ Святковъ*, *Ильинъ*, Авторъ *Аизы* и *Рекрутскаго Набора* и *Ивановъ*, оставившій въ числѣ прочихъ произведеній своихъ *Семейство Стариковыхъ*, достойны уваженія, какъ Писатели народные. Въ наше время пріобрѣли извѣстность драматическими сочиненіями *Князь Шаховскій*, *И. А. Крыловъ*, *Хмльницкій*, *Зогоскинъ*, *Грибоѣдовъ*, и сочинитель *водивилей* *А. И. Писаревъ*. Первый изъ сихъ Писателей, продолжающій до селѣ обогащать Русскую сцену своими сочиненіями, переводами и подражаніями, по справедливости заслуживаетъ названіе Русскаго *Аристофана* нашего времени.

§ 112. Спрашивается: отъ чего на Русскомъ *Парнассѣ* не всѣ роды *Поэзіи* имѣли равной успѣхъ? Отъ чего *Поэзія* *Лирическая*, сотворенная *Ломоносовымъ* и возвеличенная *Державинымъ*, достигла возможнаго совершенства? *Басни* *Хемницера*, *Дмитріева* и *Крылова* спорятъ въ

преимущество съ Лафонтеновыми; слогъ Трагедій съ слогомъ лучшихъ иностранныхъ трагиковъ; между тѣмъ какъ наша высокая Комедія еще во младенчествѣ? Безъ сомнѣнія отъ того, что наши лирики и трагики могли заимствовать благородный и высокій тонъ свой въ книгахъ Русскихъ и Славянскихъ; баснописцы нашли красоты свои въ языкѣ народномъ; а Комедій высокихъ очень мало, потому, что наше высшее общество, говорящее на однихъ иностранныхъ языкахъ, не имѣетъ еще своего собственнаго, который долженъ служить имъ основаніемъ.

§ 113. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о нашей *Эпической Поэмѣ*. По обыкновенному ходу образованности народной, она можетъ предшествовать драмѣ только въ частяхъ своихъ, а не въ цѣломъ. Цѣлое, какъ идеаль, объемлющій собою всю вселенную, есть дѣло генія, уже образованнаго вкусомъ и критикою; оно составляется изъ частей уже извѣстныхъ, изъ рапсодій, хранящихся въ памяти народа. Такъ созданы были *Иліада Гомера* и *Освобожденный Іерусалимъ Торквато Тасса*. Русскій народъ издревле имѣлъ склонность къ чудеснымъ рассказамъ о богатыряхъ и другихъ частныхъ лицахъ, обратившихъ его вниманіе своимъ удалствомъ или похождениями; но онъ не сохранилъ и не могъ сохранить никакихъ преданій о происшествіяхъ важныхъ, производившихъ переворотъ въ цѣломъ Отечествѣ. Разсѣянный по удѣльнымъ Княженіямъ, не имѣвшимъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ ничего общаго, кромѣ Религіи, онъ не могъ даже составить себѣ полной идеи о столь огромномъ тѣлѣ, каково есть

Государство, которое въ смыслѣ политическомъ само по себѣ есть уже Поэма, движимая совокупно всѣми силами нравственными и вещественными. Вотъ гдѣ кроются причины блистательнаго успѣха романтической Поэмы Богдановича: *Душеньки* и холоднаго пріема всѣхъ героическихъ Поэмъ Хераскова. Первая, какъ твореніе самихъ Грацій на языкъ новомъ, тяжеломъ и для ихъ стила еще неприготовленномъ, есть необыкновенное явленіе въ исторіи Литературы. Богдановичъ умѣлъ дать Греческой баснѣ Русскую физіономію, украсивъ ее эпизодами и подробностями сказа, принадлежащими Русскому народу. Напротивъ того Херасковъ погрѣшилъ въ самыхъ главныхъ основаніяхъ Эпопеи, — въ самой системѣ движущихъ оную сверхъестественныхъ силъ, кои выводятся у него на сцену безъ разбору, изъ истинной Религіи, изъ сектъ языческихъ и Магометанской, изъ міра волшебнаго и аллегорическаго. Въ родѣ комическомъ пользуются извѣстностію въ нашей Литературѣ Поэмы: *Елисей* или *раздраженный Вакхъ*, Майкова, и *Расхищенные шубы*, Кн. Шаховскаго.

§ 114. Русская Литература обязана истиннымъ уваженіемъ къ заслугамъ тѣхъ ученыхъ Поэтовъ, которые обогатили ее переводами древнихъ и новыхъ Классиковъ. *А. О. Мерзляковъ* и *А. Х. Востоковъ* оставили намъ бюсты Горация, снятые, такъ сказать, съ него живаго. Они утвердили насъ въ возможности переводить древнихъ Поэтовъ ихъ размѣромъ. *М. Е. Лобановъ* подарилъ Русскій Театръ двумя образцовыми произведеніями Расина: *Ифигеніею въ Авлидѣ* и *Федрою*. Будучи

проникнуть чувством изящности своего подлинника и вмѣстѣ съ тѣмъ обладая знаніемъ приличій сцены и основательными свѣдѣніями въ языкѣ отечественномъ, онъ нашелъ приличные тоны и краски, чтобы героинямъ и героямъ Расиновымъ, имѣющимъ происхожденіе Греческое, возвратитъ свойственную имъ фizioномію ихъ отечества и вѣка. *Торквато Тасса* мы имѣемъ три перевода, одинъ въ прозѣ, *А. С. Шишкова*, и два въ стихахъ, *А. О. Мерзлякова* и *С. Раича*. Первый отличается точностію и близостію къ подлиннику; второй имѣетъ всѣ преимущества важнаго героическаго слога, но, къ сожаленію, онъ начатъ былъ еще въ то время, когда отступленіе отъ alexandрійскаго размѣра, освященнаго Ломоносовымъ и Херасковымъ, почиталось нарушеніемъ одного изъ первыхъ догматовъ Поэмы. Раичъ свергнулъ сіе иго и представилъ намъ образчики эпическихъ куплетовъ. Сей Поэтъ въ переложеніи *Виргиліевыхъ Георгикъ* нерѣдко приближается къ *Делилю*, коего Французы, по отдѣлкѣ стиховъ, почитаютъ неподражаемымъ. *О. О. Кокошкинъ* въ своемъ изящномъ переводѣ *Мольерова Мизантропа* положилъ основаніе новому языку и новому разговорному тону, могущимъ служить образцами для высшаго общества. Истолкователь таинствъ Поэзіи, царственный пѣвецъ *Ахейнъ, Гомеръ*, разоблаченный *Костровымъ* въ его полныхъ и благозвучныхъ, но alexandрійскихъ стихахъ, — наконецъ явился въ своемъ благолѣпномъ видѣ, въ превосходномъ переводѣ *Иліады Н. И. Гнѣдига*. Чтобы оцѣнить все достоинство сего многолѣтняго труда, надобно быть совершен-

но проникнуту духомъ древности подлинника. Все, что для слуха, изнѣженнаго мелодією нынѣшней Поэзіи, можетъ показаться тяжелымъ: частое повтореніе союзовъ, нововведеніе обвѣтшальныхъ и сложныхъ реченій, свободная перестановка словъ и дактило-хореическій экзаметръ, — все сіе есть самая близкая принаровка къ тону первосвященника Эпической Музы, вѣщавшаго языкомъ простымъ, но такимъ, который для самихъ Грековъ въ цвѣтущее время ихъ Поэзіи составлялъ уже какъ бы особое священное нарѣчіе, подобно употребляемому въ нашемъ духовномъ пѣснопѣніи. Считаемо неизлишнимъ къ сему присовокупить, что первая мысль переводить Иліаду экзаметрами, столь удачно оправданная опытомъ, была подана Г. Гнѣдичу извѣстнымъ любителемъ и знатокомъ классической древности С. С. Уваровымъ. Переводы *Науки о Стихотворствѣ* Боало и Расиновой *Андромахи*, равно какъ и собственные Стихотворенія, лирическія и дидактическія, Графа Д. И. Хвостова, уже довольно извѣстны нашей Публикѣ. Лучшія изъ нихъ по отдѣлкѣ стиховъ суть преложенія изъ Священнаго Писанія, Ода *Богъ, прощаніе Поэта съ землею* и нѣкоторыя Оды въ родѣ застольныхъ Гораціевыхъ. При оцѣнкѣ трудовъ сего почтеннаго Поэта надобно принимать въ соображеніе время, когда онъ началъ писать, состояніе языка, направленіе Литературы и самыя средства того времени. Писатель, явившійся въ первый разъ на поприщѣ Словесности около 1779 года и продолжающій подвизаться на ономъ неусыпно болѣе 50 лѣтъ, не долженъ ли служить образцемъ благороднаго

рвенія къ изящному и вмѣстѣ съ тѣмъ быть краснорѣчивымъ и горькимъ упрекомъ для большей части молодежи нашего времени, изъ среды коей многіе, при неумѣстномъ судѣ своемъ о другихъ, сами при собственныхъ своихъ средствахъ, при средствахъ открытыхъ имъ Правительствомъ, въ нашъ 1833 годъ, едва въ состояніи написать одну страницу, одинъ періодъ и даже одну мысль по-Русски!

§ 115. Переводы въ стихахъ, равно какъ и въ прозѣ, бываютъ двухъ родовъ: вольные и буквальные. Какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ свои преимущества и неудобства. Въ вольныхъ, при всемъ ихъ достоинствѣ внѣшнемъ, подлинникъ, подчиня себя законамъ чуждаго ему языка, неминуемо измѣняетъ свой характеръ, какъ напр. Виргиліевы Георгіки въ щегольскомъ нарядѣ Делиля: въ буквальныхъ теряются краски подлинника, но удерживаются основныя черты его. Сіи послѣдніе полезны въ смыслѣ филологическомъ, открывая намъ не только внутренній духъ Автора, но и самый составъ отечественнаго языка его. Сюда можно отнести новое явленіе въ нашей Литературѣ, Трагедіи Шекспира: *Царя Лиры* и *Венеціанскаго купца*, въ коихъ переводчикъ Г. Якимовъ, повидимому, старался передать намъ, вмѣстѣ съ высокими чертами, всѣ странности, игру и своеправіе дикаго генія Британіи. Изъ числа классическихъ Поэтовъ, переложенныхъ прозою, достойны уваженія *Грегескіе Классики*, И. И. Мартынова и *Публія Овидія Назона превращенія* И. И. Соколова; изъ прозаическихъ сочиненій *Платоновы разговоры о Законахъ*, В. И. Оболенскаго,

Нравы и положеніе Германцевъ изъ Тацита, А. С. Хомякова (XIX часть Трудовъ Общ. Люб. Рос. Словесности), о *Старости* и нѣсколько другихъ статей изъ Цицерона, И. И. Давыдова (тамъ же).

§ 116. Судьба нашей Классической Поэзіи различествуетъ отъ хода ея у другихъ народовъ Европы. У сихъ послѣднихъ она умерла, уже обремененная дряхлостію, и умерла для того, чтобы, подобно баснословному Фениксу, возродиться вновь въ образъ *Романтической*. У насъ первая преобразается въ послѣднюю, не успѣвъ во многихъ отрасляхъ своихъ (исключая родъ лирической и апологъ) достигнуть надлежащей зрѣлости и даже цвѣта. Предоставляется времени рѣшить: можетъ ли сооружаемое вновь зданіе быть прочно безъ твердаго основанія. Ибо, по началамъ психологическимъ, классицизмъ долженъ служить основаніемъ романтизма во всемъ: въ Стихотворствѣ, въ Художествахъ, въ Философіи.

§ 117. Въ собственномъ смыслѣ *Классическая Поэзія* стремится отъ частности къ общности, *Романтическая* отъ общности къ частности, или, что все то же, къ самобытности и народности. Ту и другую можно сравнить съ принимаемыми въ системѣ міра силами *расширительною* и *сжимательною*. Сила расширительная, стремясь отъ центра къ окружности, безъ противудѣйствія сжимательной, должна наконецъ разсѣяться и уничтожиться; съ другой стороны сила сжимательная, стремясь отъ окружности къ центру, безъ противудѣйствія расширительной, должна также отъ чрезмѣрнаго сжатія обратиться въ ничто.

§ 118. Изъ сего явствуешь , что Классическая и Романтическая Поэзія одна безъ другой существовать не могутъ и что проявленіе какой-либо одной изъ нихъ зависитъ лишь отъ преобладанія формы или идеи. Въ семъ смыслѣ самая Греческая Поэзія, называемая преимущественно Классическою, заключаетъ въ себѣ также романтизмъ, который въ особенности кроется въ стремленіи ея къ изображенію народныхъ идеаловъ и само-бытной , пластической красоты , исключительно принадлежащей климату Греціи.

§ 119. Поэзія, подобно всѣмъ Изящнымъ Искусствамъ, подраздѣляется на разныя школы. Достопримѣчательнѣйшія изъ нихъ въ Европѣ въ новѣйшія времена были слѣдующія: *Французская, Италіанская, Нѣмецкая, Англійская*. Первая перенесена къ намъ Стихотворцами прошедшаго столѣтія; три прочія тремя геніальными Поэтами нашего времени: *Батюшковымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ*. Поэзія Батюшкова вся дышетъ нѣгою Италіи и яркимъ ея колоритомъ. Въ семъ смыслѣ мы можемъ назвать его нашимъ Тиціаномъ; блестящій стиль его доселѣ имѣетъ своихъ подражателей.

§ 120. Отличительный характеръ Поэзіи *Жуковского* есть мрачность воображенія , глубокая мечтательность, стремленіе къ чему-то не земному, безпредѣльному. Въ изображеніи чувствованій онъ доходитъ до сокровеннѣйшихъ изгибовъ сердца; въ рисовкѣ Природы, и въ особенности картинъ мрачныхъ, — онъ нашъ Рембрандтъ. Стихи его отличаются особенною мелодіею; онъ ее сотворилъ или по крайней мѣрѣ довелъ до воз-

можной нѣжности. Иногда она слишкомъ отрывиста и однообразна, ибо одушевлена почти вездѣ однимъ господствующимъ его чувствомъ, унылымъ; но она всегда сладостна и очаровательна. Въ его балладахъ и легкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ видно еще вліяніе школы, коей онъ былъ воспитанникомъ и которую основалъ онъ въ Россіи; но его *Плвецъ въ станъ Русскихъ воиновъ*, изображающій торжество патріотическихъ чувствованій, раскрываетъ въ полномъ блескѣ его самобытность и стремленіе къ народности.

§ 121. Пѣтическая жизнь представителя настоящей нашей Поэзіи *Пушкина* достопримѣчательна быстрыми его переходами. Первая Романтическая Поэма его: *Русланъ и Людмила* создана была имъ еще подъ вліяніемъ школы классической; онъ подражалъ въ ней *Аріосту*, заимствовавъ лишь основаніе басни и нѣсколько эпизодовъ изъ Русскихъ сказокъ. Въ *Кавказскомъ пленникѣ*, въ *Бакчисарайскомъ фонтанѣ*, въ *Цыганахъ* и *Евгеніи Онѣгинѣ* образцами ему служили идеалы Байрона, коего онъ самъ называлъ властителемъ нашихъ думъ; но Поэма *Полтава* и Драма *Борисъ Годуновъ* суть созданія, исключительно одному его генію принадлежащія; въ нихъ посредствомъ строгаго согласованія собственныхъ его идей съ характерами, заимствованными имъ изъ Исторіи народа, положено основаніе пѣтической народности, высочайшей идеѣ романтизма. Стилъ Пушкина, какъ живописца, отличается свѣтлотѣнью или сліяніемъ красокъ яркихъ и темныхъ, которыя самымъ подражаніемъ его и переводамъ присвоиваютъ характеръ оригинальности. Такъ

называемая *поэзія стиха*, состоящая въ свободномъ, естественномъ и гармоническомъ расположеніи словъ, доведена имъ до совершенства.

§ 122. Въ Исторіи политическаго, Европейскаго образованія Русскаго народа достойны особеннаго примѣчанія двѣ эпохи: при Петрѣ Великомъ *введеніе* въ Россію ремесль, художествъ, искусствъ и наукъ; въ наше время *вторженіе* въ нее разныхъ новыхъ идей образованности Европейской. Первою эпохою началось развитіе вещественныхъ силъ Россіи, послѣднею усилилось развитіе силъ ея умственныхъ. Всякая новая жизнь народовъ выражается преимущественно движеніемъ чувствованій; отсель произошло стремленіе Русской Поэзіи при Ломоносовѣ къ Одѣ торжественной и въ наше время къ пѣснопѣнію неопредѣленному, имѣющему предметомъ изображеніе духовной, сокровеннѣйшей природы чело-вѣка. Соотвѣтственно сему направленію, тонъ лирической отзывается нынѣ во всѣхъ родахъ стихотворства, не исключая Поэмы и Трагедіи.

§ 123. Лучшія лирическія стихотворенія нашего времени, — колыбельныя пѣсни младенчеству романтической музы — принадлежатъ Жуковскому и Пушкину; за ними слѣдуютъ Хомяковъ, Баратынскій, Языковъ, О. Глинка, Веневитиновъ и немногіе другіе. Въ родъ повѣствовательномъ пріобрѣли извѣстность Козловъ, Подолинскій, К. Масальскій, А. Вельтманъ, Баронъ Розенъ, П. Ободовскій. Въ родъ драматическомъ послѣ Бориса Годунова, достопримѣчательное твореніе есть Трагедія Хомякова *Ермакъ*. Она написана Поэтомъ юнымъ, во время пребыванія его

въ Парижѣ, подъ вліяніемъ генія Тальмы и, какъ кажется, исключительно для артиста Петербургскаго театра, Каратыгина, образованнаго по методамъ Французской школы. Исполинскій характеръ Ермака выше Іоаннова вѣка и самаго Героя; но его неизмѣнная вѣрность къ Царю, его осудившему, пламенная любовь къ родинѣ, его отвергнувшей, безпредѣльное благоговѣніе къ родителю, обременившему его проклятiями, суть черты собственно Русскія, равно какъ выпренность мыслей, огонь чувствъ и особый способъ выраженія, посредствомъ великолѣпныхъ сравненій и стиховъ полныхъ и благозвучныхъ, суть качества, исключительно принадлежащія нашему Поэту. *Марѳа Посадница*, Трагедія *Г. Погодина*, есть довольно вѣроятная картина древняго Новгорода. Въ ней живо изображены три сословія, составлявшія буйное Вѣче Новгородское: чернь, купцы и бояре. Характеръ Марѳы есть героическій, но не идеальный; ея отважность, предприимчивость и твердость духа согласованы съ сказаніями лѣтописей и мѣстными нравами. Самый слогъ Трагедіи, испещренный словами простонародными и даже площадными, занимателенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ представляются образчики разговора, почерпнутые изъ современныхъ письменныхъ памятниковъ.

§ 124. Въ послѣднее время въ нашей Драматической Поэзіи примѣтно особенное движеніе. *Битва при Теверіадѣ*, Трагедія А. Муравьева, *Торквато Тассъ*, Киреева, *Россія и Баторій*, Барона Розена и *Торквато Тассъ*, фантазія Кукольника, достойны примѣчанія и уваженія по разнымъ

отношеніямъ. Между ними особенно отличаются два новыя творенія: *Димитрій Салозванецъ*, Трагедія Хомякова и *Рука Всевышняго Отечества спасла*, Драма Кукольника. Не смотря на недостатки въ планѣ и на отсутствіе главныхъ страстей, составляющихъ душу сего рода стихотвореній — онѣ, по многимъ частнымъ красотамъ, служатъ залогомъ будущихъ блистательныхъ успѣховъ ихъ творцевъ, — раскрывая въ первомъ тонкаго наблюдателя сердца, вѣрнаго живописца характеровъ, возвышеннаго въ чувствахъ и вполне обладающаго языкомъ Поэзіи, — во второмъ внимательнаго наблюдателя стихій народности, одушевленнаго силою патріотическаго чувства.

§ 125. Желательно, чтобы, при нынѣшнемъ общемъ направленіи Русской Словесности къ народности, наши Поэты воспользовались богатыми родниками оной, выше упомянутыми въ §§ 88 и 90 *рапсодическими стихами* нищихъ и духовными *псалмами*, столь рѣзко выражающими характеръ народный. вмѣстѣ съ тѣмъ полезно было бы обратить вниманіе на опыты о Русскомъ стихосложеніи *Гг. Востокова и Дубенскаго*, изъясняющихъ подробно свойства и виды тоновъ, употребляемыхъ въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ.

§ 126. Исторія Русской Литературы должна заключиться общимъ обзорѣніемъ собственно такъ называемой *Романтической Поэзіи*, перенесенной къ намъ Жуковскимъ изъ Германіи. Его искусство живописать природу прелестными стихами произвело толпу подражателей; но безжизненные и уродливыя подражанія сихъ послѣднихъ возбудили справедливое негодованіе

Критики и раздѣлили Литераторовъ на двѣ партіи, спорящія между собою о формахъ Романтической Поэзіи, о ея сущности и даже о ея существованіи. Какъ плодъ новыхъ вѣковъ, кажется, она должна быть отраженіемъ физіономіи однихъ новыхъ народовъ, развитія ихъ страстей, понятій и нравовъ, — отпечаткомъ ихъ повѣрій и обычаевъ. И такъ стихотвореніе романтическое можетъ получить право на гражданство въ области Поэзіи въ такомъ только случаѣ, когда предметъ онаго носить какую либо оригинальность народную (Свѣтлана Г. Жуковскаго); когда родъ его утвержденъ общимъ голосомъ цѣлой страны (Романсы, Баллады); когда форма его есть условный образъ выраженій цѣлаго народа (нашъ тоническій размеръ) и наконецъ когда всѣ сіи и другія подобныя условія, не нарушая общихъ законовъ природы, дѣйствующей вездѣ и во всѣ времена по однимъ неизмѣняемымъ началамъ, согласуются съ высшимъ и вѣчнымъ ея закономъ: *идеєю изящества*.

§ 127. Въ заключеніе не излишнимъ считаемъ замѣтить, что чужестранныя романтическія произведенія, какъ несвойственныя Русскимъ правамъ, никогда не могутъ быть присвоены нашей Поэзіи; они суть то же для насъ, что чуждая переходящая мода. Жизнь прочихъ народовъ Европы уже дряхлѣетъ; бывъ стѣснены одинакими формами и не имѣя оригинальности въ собственныхъ обычаяхъ, они по необходимости должны искать ее въ странахъ и вѣкахъ отдаленныхъ, въ предметахъ мечтательныхъ, въ искаженномъ состояніи чловѣка, семействъ и гражданскихъ об-

ществъ. Отсюда непримѣтно произошли неутолимая жажда ко всему новому, волненіе умовъ, безпокойство страстей и мыслей; и все сіе будучи порожденіемъ истощеннаго и строптиваго воображенія одряхлѣвшихъ народовъ, отражается и въ новыхъ произведеніяхъ ихъ Поэзіи, Прозы, Философіи. Напротивъ того Русскіе, какъ и большая часть прочихъ Славянскихъ племенъ, не бывъ еще испорчены прихотями гражданской жизни и всего болѣе уважая семейственныя добродѣтели, столь же богаты истинною Поэзіею, какъ древніе Греки. Храня отъ незапамятныхъ вѣковъ собственные нравы и патріархальныя привычки, они передаютъ изъ рода въ родъ приключенія своихъ предковъ, ихъ вымыслы и самый тонъ пѣтическій; и если Пѣвцы ихъ, постигнувъ духъ Поэзіи отечественной и естественной, пребудутъ въ согласіи съ здравымъ умомъ, съ истиннымъ вкусомъ и Природою, — то смѣло можемъ надѣяться (вмѣстѣ съ ученымъ Полякомъ Бродзинскимъ) *), что рано или поздно наступитъ время, когда изъ собственныхъ нашихъ преданій, какъ нѣкогда изъ Греческихъ рапсодій, составитя у насъ своя Одиссея, — картина семейственной жизни и дѣятельнаго смысла нашихъ древнихъ Витязей, — или своя Иліада, — картина ихъ кроткихъ страстей и подвиговъ геройскихъ. Сіе замѣчаніе должно простираться на всѣхъ Русскихъ Писателей и ученыхъ. Всѣмъ имъ предлежитъ одна великая цѣль въ подражаніи знаменитѣйшимъ геніямъ Европы: создать свою Литературу, свою Фило-

---

*) Вѣстн. Европы 1826 г. No 13.

софію и свои системы Наукъ, но создать изъ стихій собственнаго своего отечества, заключающихся въ подчиненіи разума ученію Вѣры,—чувствованій правиламъ Христіанской нравственности,—дѣйствій законамъ Верховной, не отъ народа, а отъ Бога поставленной Власти.

Конецъ четвертой и послѣдней части.

П Р И М Ъ Ч А Н І Е.

Опечатокъ, можетъ быть, много встрѣтится въ цѣлой книгѣ; но большая часть изъ нихъ, сколько можно замѣтить, вкралась отъ неопредѣленности нашего Русскаго правописанія. Одна только ошибка, довольно важная и до ста разъ повторенная, сильно тяготитъ мою совѣсть;—ошибка, состоящая въ употребленіи слова *Русскій* съ двумя *сс* вмѣсто *Рускій*. Это есть жертва, принесенная новѣйшей ортографіи издаваемыхъ нынѣ журналовъ и книгъ.

Катонъ нашей Грамматики, А. С. Шишковъ, въ одномъ изъ своихъ филологическихъ сочиненій замѣтилъ, что часто собственные наши слова выѣзжаютъ къ намъ изъ чужихъ земель въ видѣ иностранныхъ, напр. Одинъ мысъ Бѣлаго моря, называемый *Орловымъ носомъ*, выѣхалъ къ намъ изъ Голландіи *Орлогенесомъ*; Славянскія города: *Болеславъ*, *Горелицы*, *Переславъ*, *Липецъ*, *Холмцово*, сдѣлались *Буницау*, *Герлеуъ*, *Бреслау*, *Лейнцигъ*, *Комметау*, а Новая земля назвалась *Новацемблою*. То же точно случилось и съ словомъ *Рускій*. Прежде въ нашемъ Царствѣ ничего не было, кромѣ Святой *Руси* и Православнаго *Русскаго*; но когда они на западѣ познакомились съ Латинскою Европою, то сія послѣдняя новую сосѣдку свою назвала *Russia*, а новаго сосѣда *Russus*. Иначе она и сдѣлать не могла; ибо, употребляли въ сихъ словахъ одинъ *s*, она по своему выговору, была бы вынуждена первую назвать *Рузією*, а послѣдняго *Рузомъ*. Такимъ образомъ

Русь и *Рускій*, по возвращеніи изъ Европы, стали уже называться и на своемъ языкѣ *Руссією* и *Руссомъ*, и какъ въ простыхъ словахъ такъ и въ сложныхъ, напр. *Бѣлоруссія*, *Бѣлоруссы* и пр.

Намъ возразятъ здѣсь *Руссами* или *Варяго-Руссами*, отъ которыхъ произошло и названіе самой *Руси*. Какое собственно было имя сего Скандинавскаго племени, это, кажется, еще не разрѣшено и самими Историками. Ибо наши лѣтописи называютъ ихъ просто Варяго-Русью, Византійскія и древнія западныя *Росами*, *Ros* и *Rhos*. Увѣряютъ, что и Шведская область *Ros-lagen* отъ нихъ получила свое имя; объ этомъ уже было толковано и перетолковано. Вирочемъ если бы въ ортографіи надлежало всегда строго держаться ученаго словопроизводства, то намъ пришлось бы вмѣсто *востокъ* писать *возтокъ*, какъ нѣкоторые наши ученые дѣлаютъ въ своихъ книгахъ, — а вмѣсто Петербурга *Петерсбургъ*, какъ нерѣдко случается намъ слышать въ нашихъ полунѣмецкихъ обществахъ.

Въ этомъ дѣлѣ лучше всего было бы: 1) прислушаться къ чистому выговору природныхъ жителей Москвы и окружающихъ ее Губерній, 2) справиться со всѣми памятниками нашей древней письменности и 3) повѣрить то и другое внимательнымъ разсмотрѣніемъ свойствъ нашего отечественнаго языка и его этимологій. Слухъ Москвичей и всѣхъ природныхъ *Рускихъ* терпѣть не можетъ стеченія двухъ носовыхъ буквъ *сс*, и особенно въ этомъ словѣ; въ нашихъ древнихъ памятникахъ иначе не писалось, какъ *Рускій*, *Руській*, иногда *Рускиъ*, *Русинъ*, *Русиъ* и только изрѣдка въ нѣкоторыхъ, писанныхъ на западѣ при Польскомъ Правитель-

ствѣ, встрѣчается *Русскій*. Наши Поэты и Прозаики строго держались прежняго правописанія почти до послѣдняго десятилѣтія, не исключая и ученаго нашего Грамматика Н. И. Греча въ его Учебной книгѣ и Исторіи Руской Литературы. И это правописаніе не необдуманное и произвольное, но совершенно согласное съ стихійными началами нашего языка, который во всѣхъ именахъ притяжательныхъ, кончащихся на *скій* и происходящихъ отъ существительныхъ, имѣющихъ конечную согласную *с*, всегда одно *с* отбрасываетъ, напр. отъ словъ: *Спасъ*, *Черкасы*, самыя старинныя названія: *Новоспаскій* и *Законоспаскій* Монастыри, Князья *Черкаскіе*, и сокращенно *Спаскъ*, (города въ Казанской, Рязанской и Тамбовской Губерніяхъ; вездѣ *Спаскъ*, а не *Спасскъ*), *Черкаскъ*; отъ слова *Нѣмецъ* (*Нѣметсъ*), *Нѣмецкій* и пр. слѣдовательно и отъ *Русь* притяжательное должно быть *Рускій*; иначе прибавляя вездѣ *скій*, и притомъ производя отъ *Руссовъ*, надобно бы писать съ тремя *сс*, *Русскій*, *Росскій*, *Одесскій* и т. д.

Почтенный Сочинитель ученой критики Скандинавскихъ Сагъ (No 1 Библіотеки для Чтенія) полагаетъ, что настоящій языкъ Руссовъ сохранился въ Исландіи; а Исландскій языкъ такой же нашему родичъ, какъ Чухонскій и Татарскій: и такъ не лучше ли бы намъ остаться при своемъ *Рускомъ* языкѣ, который, по словамъ Преподобнаго Нестора, еще не всѣми отвергаемаго, »съ Славянскимъ одно есть.«

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Предисловіе къ первому изданію	I
Вступленіе. Общія понятія о Словесности, выводимыя изъ Психологій	1

ЧАСТЬ I.

Общая или Философская Грамматика.

Глава I.	Объ устроенія органовъ человеческого слова.	5
— II.	Объ отношеніяхъ органовъ слова къ формамъ звука и къ самому физическому свойству вещей	8
— III.	О постепенномъ распространеніи языка	10
— IV.	О раздѣленіи Общей Грамматики по предметамъ	16

ЧАСТЬ II.

Система Русскаго языка.

Глава I.	Объ отношеніяхъ Русскаго языка къ языкамъ древнимъ, Азіатскимъ и Европейскимъ.	3
— II.	О сродствѣ языка Русскаго съ Греческимъ и Латинскимъ	14
— III.	О средствахъ и способѣ отыскать древній языкъ Славянскій	26
— IV.	О письменномъ искусствѣ Славянъ	42
— V.	О вліяніи Греческаго языка на Славянскія Восточныя нарѣчія и Латинскаго на Славянскія Западныя	46
— VI.	Объ отношеніяхъ Русскаго языка къ языку Славяноцерковному и прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ	52
— VII.	О вліяніи языковъ иноплеменныхъ на Русскій	60
— VIII.	Исторія Русской Грамматики	66
— IX.	Объ отличительныхъ чертахъ языка Русскаго.	85
— X.	О Русской Лексикографіи	92

ЧАСТЬ III.

Теорія Словесности, выводимая изъ началъ Психологій.

Глава I.	Общія понятія о Словесности	3
— II.	О способностяхъ души	5

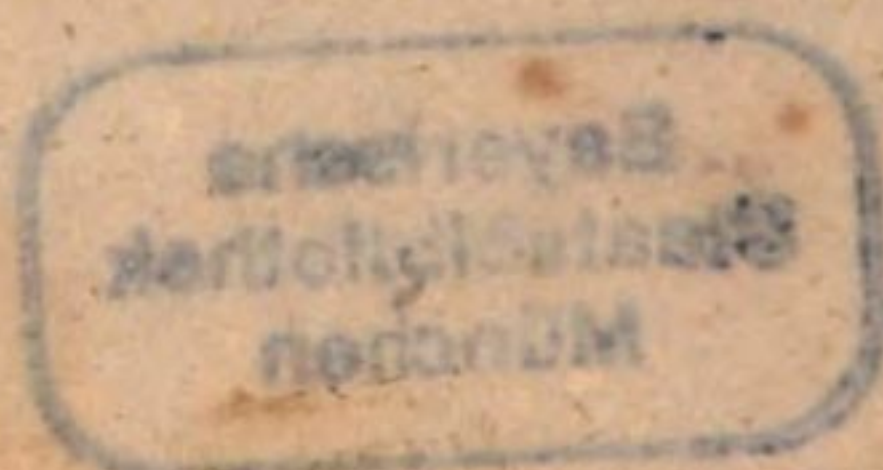

	Стран.
Глава III. О талантахъ Художника, Стихотворца и вообще Писателя	11
— IV. О началѣ искусствъ	16
— V. Объ Изящныхъ Искусствахъ вообще	22
— VI. Объ Эстетическихъ силахъ	26
— VII. О различныхъ степеняхъ Словесности	37
— VIII. О главныхъ формахъ Поэзіи	40
— IX. О постепенномъ происхожденіи вымысловъ Поэтическихъ	42
— X. Объ основаніи Ораторскаго искусства	44
— XI. О тройственности цѣли и предметовъ Краснорѣчія, выводимой изъ трехъ силъ ума	50
— XII. О соотвѣтствіи трехъ родовъ Краснорѣчія тремъ главнымъ дѣйствіямъ ума	52
— XIII. Объ Ораторскомъ изобрѣтеніи и расположеніи	54
— XIV. О главныхъ условіяхъ Ораторскаго выраженія: повѣствованіи и драмѣ	59
— XV. Объ отношеніяхъ Ораторскаго слога къ способамъ выраженія прозаическому и стихотворному	62
— XVI. О внутреннемъ составѣ слога періодическаго и объ отличіи его отъ отрывистаго	63

ЧАСТЬ IV.

Планъ Исторіи Русской Литературы.

Глава I. Введеніе	3
— II. О памятникахъ языка Великороссійскаго	7
— III. О методахъ Греческихъ и Латинскихъ Риторовъ, служившихъ руководствомъ въ Россіи по части Прозаическаго Искусства	22
— IV. О достопримѣчательнѣйшихъ Русскихъ Риторикахъ	26
— V. О характеристикѣ Русскихъ Прозаиковъ и о настоящемъ состояніи Русской Прозы	33
— VI. О характерѣ Русской народной Поэзіи	59
— VII. О разныхъ теоріяхъ Русскаго Стихосложенія и Поэзіи	67
— VIII. О характеристикѣ Русскихъ Поэтовъ и о настоящемъ состояніи Поэзіи въ Россіи	73
Примѣчанія	97

Glagolev, Andrej Gavrilovič

Umozritel'nyja i opytnyja osnovanija slovesnosti V 4 častjach

Bd.: 4

Sanktpeterburg 1845

H.lit.p. 629 h-4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10737301-3